

Сумасшествіе

А) Описание явлений сумасшествия.

Когда къ сну присоединяется движеніе, то онъ становится *лунатизмомъ*; если же къ нему присоединится еще дѣятельность органовъ чувствъ, то этотъ сонъ души при тѣлесномъ бодрствованіи есть состояніе *сумасшествия*.

Явленія, въ которыхъ обнаруживается сумасшествіе, до безконечности бываютъ различны, — по различію пола, возраста, темперамента, воспитанія, образа жизни, причинъ помѣшательства и безчисленныхъ случайныхъ обстоятельствъ. По главному образомъ всѣ частныя виды его сводятся въ четыре рода: *меланхолю*, *дурачество*, *изступленіе* и *безуміе*, которые самымъ названіемъ своимъ напоминаютъ четыре коренныя формы человеческой жизни, известныя подъ именемъ темпераментовъ.

1) *Меланхоликъ* занятъ повидимому одною исключительною идеею, въ коей сосредоточены всѣ его способности: это предметъ какой либо потери, скорби, ужаса, подозрѣнія, заботы, размышленія, отчаянія: для него не существуетъ ничего внѣшняго, никакого развлеченія, отрады, удовольствія; скорбь глубокими чертами написана на лицѣ его *истомой*.

2) Совершенною противоположною ему составляетъ *дурачекъ*. Если первый сосредоточенъ весь въ одной идеѣ, то послѣдній весь разсыпанъ во внѣшности. Буйная и необузданная внутренность, быстрая преемственность безсвязныхъ идей, возникающихъ или по поводу внѣшнихъ впечатлѣній, или независимо отъ нихъ, безпрестанный приливъ и отливъ странныхъ фантазій, не имѣющихъ ни между собою, ни къ внѣшнимъ предметамъ никакого отношенія, несвязное, но тихое теченіе

страстей: радости, печали, гнѣва, даютъ намъ видѣть въ немъ человѣка, который въ своемъ помѣшательствѣ вкусилъ счастливое забвеніе горестей и заботъ житейскихъ.

3) Разстроенная, но вмѣстѣ возвышенная дѣятельность всѣхъ душевныхъ силъ, вращающихся около одного какого либо предмета, стремительные порывы душевныхъ движеній, обнаруживающихся въ потокѣ словъ, свергающихъ взорахъ, быстрыхъ тѣлодвиженіяхъ, склонность разрушать, испровергать — словомъ: олицетворенная страсть — вотъ характеръ *изступленнаго* (exstasiens).

4) Ужасъ при видѣ *изступленнаго* обращается въ глубокую печаль, при взглядѣ на *безумнаго* (stupidus), который съ блѣднымъ, но мутнымъ лицомъ, облачающимъ совершенное отсутствіе всѣхъ душевныхъ способностей, въ упорномъ молчаніи, или изрѣдка издавая нѣмые звуки, пригвожденный лѣнностію, проводитъ дни и ночи на одномъ мѣстѣ, безъ всякаго чувства къ вѣшнему и къ себѣ самому. Повидимому, послѣднія искры разумной души погасли въ немъ въ растительной жизни тѣла.

Взврая на поступки сумасшедшихъ, находящіяся въ рѣзкой несообразности со вѣшними ихъ отношеніями, легко усматриваемъ въ нихъ слѣдующія свойства:

1) Отсутствіе той духовной силы, которою душа, противопоставляя вѣшній міръ себѣ и себя міру, сравниваетъ вѣшнія впечатлѣнія и внутреннія перемены въ неизмѣнномъ я, познаетъ въ немъ свое отношеніе къ міру, и сообразно тому опредѣляетъ себя къ дѣйствіямъ, т. е. *самосознанія*. Въ этомъ отношеніи состояніе сумасшествія сходно съ состояніемъ сна. Но это сходство простирается далѣе.

2) И въ сумасшествіи, подобно какъ во снѣ, душа слѣдуетъ одинакимъ законамъ въ сочетаніи представленій, съ быстротою молвіи пробѣгаетъ цѣлыя ряды идей, перелетаетъ съ пространства на пространство, со времени на время, раз-

дѣлевныя между собою неизмѣримымъ разстояніемъ;— и въ этомъ безпорядочномъ теченіи мыслей обнаруживаетъ иногда необыкновенныя силы и способности, предчувствіе будущаго, прозрѣніе во внутреннее состояніе другихъ, свѣденіе объ отдаленныхъ происшествіяхъ, удивительную легкость въ выраженіи, остроуміе и тонкость, оказывающіяся въ самыхъ бойкихъ отвѣтахъ.

3) Равнымъ образомъ, когда тотъ или другой сумасшедшій, какъ бы не имѣя словъ выразить намъ свою мысль, указываетъ намъ на тотъ или другой предметъ, сожалѣя, что мы его не разумѣемъ; когда безумный въ уединенномъ мѣстѣ перебираетъ или располагаетъ въ порядокъ, какъ бы для осуществленія какой-то идеи, бездушныя вещи, не имѣющія для насъ никакого значенія; или когда мать, лишившаяся разсудка отъ потери единственнаго младенца, съ нѣжностію ласкаетъ и прижимаетъ къ сердцу вѣсто его полѣно, обвитое пеленою; то психологъ заключаетъ, что душа этихъ несчастныхъ еще мыслитъ и чувствуетъ, только уже не на языкѣ словъ, а какъ душа спящаго, на языкѣ образовъ, воображая свои представленія въ предметы внѣшняго міра.

4) И самыя поступки сумасшедшихъ, и исторія ихъ будущей жизни показываютъ, что внѣшняя ихъ дѣятельность въ этомъ состояніи, подобно какъ внутренняя дѣятельность нашихъ душъ во время сна, есть осуществленіе навлонностей и расположеній *сердца*, есть ихъ внутренній человекъ, вышедшій наружу такъ, какъ онъ есть.

5) Пробуждаясь отъ сна, мы выносимъ съ собою иногда чувства удовольствія или грусти, иногда особливую легкость душевныхъ силъ, иногда внезапно являющуюся намъ свѣтлую мысль— отвѣтъ на вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго мы тщетно напрягали свои умственныя силы. Такимъ же образомъ нѣкоторые изъ сумасшедшихъ, особливо ели потеряли раз-

судокъ. Но по своей винѣ, пробуждались отъ своего долговременнаго и тяжкаго сна разума и воли съ необыкновеннымъ развитіемъ душевныхъ силъ, съ очищенною нравственностію, возвышеннымъ религіознымъ чувствомъ, кои показываютъ, что съ упадкомъ въ нихъ свободной дѣятельности не прекращалось, но, незамѣтно для нашего ока, продолжалось своимъ образомъ развитіе и образованіе ихъ души ¹⁾. Однако и тѣ, кои сами, испровергнувши владычество разума необузданною чувственностію и буйными страстями, во всю жизнь свою обнаруживали потому только движенія неукротимой ярости и бѣшенства, не востоваго сластолюбія, отвращенія и ненависти ко всему священному, въ старости или предъ смертію, приходя въ себя, становятся кроткими и набожными и оказываютъ глубокую преданность Высшей волѣ. Въ самыхъ слабоумныхъ, по выдвореніи, замѣчается особливое развитіе душевныхъ силъ.

Б) *Изъясненіе явленій сумасшествія.*

Всѣ явленія сумасшествія согласно показываютъ, что оно состоитъ вообще въ преобладаніи низшей области сердца надъ высшею силою самосознанія, въ перевѣсѣ чувственности надъ разумомъ и волею. Этотъ неестественный перевѣсъ производится двоякимъ образомъ; или 1) *отрицательнымъ*, когда высшая область по какой либо причинѣ сама теряетъ свое господство надъ низшею, и такимъ образомъ уступаетъ ей власть надъ собою; или, что гораздо чаще, 2) *положительнымъ* образомъ, когда низшая область, бывъ чрезмѣрно возбуждена какими-либо средствами, насильственно беретъ перевѣсъ надъ высшими силами и подавляетъ ихъ своимъ преобла-

¹⁾ Въ Символикѣ сна Шубертъ приводитъ примѣръ женщины, выдворившей отъ 20-ти лѣтняго сумасшествія за четыре недѣли предъ смертію, которая достигла ее въ 1781 году въ 47 году отъ рожденія въ Уиссмаркѣ (1734).

двѣннѣмъ. То и другое можетъ произойти опять двумя способами: первое—или а) *материально*, когда органъ мышленія—мозгъ повреждается (механическимъ ударомъ или болѣзнію) и вмѣстѣ съ тѣмъ упадаетъ соответствующая ему дѣятельность души;—или б) *психически*, когда самая дѣятельность души разстроиваетъ свой органъ, а вмѣстѣ съ нимъ разстроивается и сама (наприм. чрезъ мѣру напряженное и продолжительное размышленіе повреждаетъ мозгъ). Второе—или а) *материально*, когда брюшная система узловъ, бывъ чрезмѣрно возбуждена какими либо раздражающими средствами (наприм. горячими напитками), возбуждаетъ соответствующія ей силы сердца: чувство, воображеніе и страсти и подавляетъ разсудокъ;—или б) *психически*, когда сердце, принявшее природу плоти и вмѣстѣ связываемое ею, возмущается сильными душевными движеніями, возбуждаетъ свой тѣлесный органъ, и свергнувши оковы разума, обнаруживаетъ себя свойственнымъ ей образомъ. Сюда относятся сильныя страсти, какъ-то: гнѣвъ, ненависть и любовь, всякая привязанность къ недостойному души предмету, честолюбіе, также чрезмѣрная забота, глубокая печаль, радость, похвалка при воспитаніи, крайняя разсѣянность, а болѣе гордость, особливо духовная, которая и въ нравственности и въ разумѣ, и нынѣ, подобно какъ въ началѣ, сопрягается немедленно паденіемъ духа.

Господство его исключительное въ душѣ, и обыкновенный порядокъ отправленій въ тѣль.

Такимъ образомъ въ сумасшествіи, съ разстройствомъ своего органа, подобно какъ во снѣ съ упадкомъ его подъ напорѣмъ плототворенія, разумъ и воля уступаютъ владычество инстинктивному чувству и пожеланію. Самосознаніе разума становится здѣсь чувствомъ, самоопредѣленіе воли—безотчетнымъ влеченіемъ, мышленіе—невольнымъ сочетаніемъ образовъ.

Между тѣмъ въ тѣлѣ — *чувствованіе, движеніе, плотото-
рение*, по причинѣ цѣлости ихъ органовъ, совершаются своимъ
порядкомъ. Но чувствованіе уже не доставляетъ душѣ свѣде-
нія о внѣшнемъ мірѣ, посредствомъ котораго она приходитъ
въ сознаніе самой себя; впечатлѣнія, доставляемая чувстви-
тельными органами, не собираясь въ фокусъ самосознанія, раз-
дробляются какъ лучъ свѣта, частію преломляясь въ душу, гдѣ
поражаютъ бессознательныя ощущенія; частію отражаясь отъ
нея, въ какомъ случаѣ вовсе теряются для нея. И движеніе
не служитъ орудіемъ къ осуществленію свободныхъ ея намѣ-
реній во внѣшнемъ мірѣ, а управляется инстинктуальными по-
бужденіями сердца. Система узловъ, какъ органъ сердца, ста-
новится теперь средоточіемъ всѣхъ душевныхъ дѣйствій и
обнаруживаетъ свою напряженную дѣятельность частію уси-
леннымъ плототовореніемъ (почему большая часть сумасшедшихъ
могутъ цѣлыя недѣли оставаться безъ сна, безъ пищи, не ока-
зывая слѣдовъ истощенія), частію особливимъ сочувствіемъ съ
внѣшнимъ міромъ. — Словомъ: ежели древніе сравнивали душу
съ звукомъ, то, продолжая это сравненіе, можно сказать, что
въ состояніи сумасшествія этотъ звукъ, съ прегражденіемъ
обыкновеннаго пути къ внѣшнему тѣлу, а чрезъ него и къ
міру, принявъ другое направленіе, находитъ себѣ другой ис-
ходъ, и потому становится для насъ не слышенъ и непонятенъ.
Отсюда само собою изъясняются всѣ явленія сумасшествія:

1) *Потеря свободы, какъ слѣдствіе порабощенія себя
наклонностямъ сердца.* Сумасшествіе большею частію про-
исходитъ отъ того, что душа слишкомъ рабѣнно предается
господствующимъ чувственнымъ наклонностямъ сердца, добро-
вольно исходитъ изъ себя въ несродные ей предметы (Мелан-
холикъ сходитъ съ ума отъ заботъ, печали, зависти и проч.;
сангвиникъ отъ разсѣянія; холерикъ отъ сильныхъ страстей,
особенно гордости; флегматикъ отъ побряки чувственности и

плотоугодія). Какъ характеръ и направленіе душевной дѣятельности вообще опредѣляется темпераментами, какъ главными видами, на кои раздробился первоначальный человѣкъ въ своемъ паденіи ¹⁾, то и въ сумасшествіи, какъ второмъ паденіи, природа человѣка естественно удерживаетъ свой темпераментъ, и главные роды сумасшествія суть не иное что, какъ темпераменты въ усиленномъ видѣ (Меланхоликъ становится меланхоликомъ, сангвиникъ дурачкомъ, холерикъ изступленнымъ, а флегматикъ слабоумнымъ ²⁾). А какъ темпераменты суть не иное что, какъ четыре разные способа ограниченія въ насъ начала свободы: то общее существенное свойство всѣхъ родовъ сумасшествія есть совершенная потеря свободы,—той силы, которая есть душа нашей личности, средоточіе, изъ коего исходятъ и въ которое возвращаются всѣ дѣйствія разума и воли, и которое, ощущая само себя, становится *самосознаніемъ*.

Итакъ сумасшедшій не имѣетъ свободной личности, и самосознанія; потому что не имѣетъ свободы (Меланхоликъ не можетъ отвлекъ своей души отъ одной идеи; дурачекъ—оставить ее ни на одной; изступленный—удержать движеніе страстей; слабоумный—возбудить въ себѣ мыслящія силы).

2) *Невольное теченіе мыслей иногда остроумное*. Съ упадкомъ свободы начинается невольная дѣятельность средняго рода способностей: представленія, воображенія, чувства, фантазіи,—и душа становится жертвою образовъ, чувствъ, желаній, преступленій, страстей, кои, подобно какъ во снѣ, съ немнѣвременною быстротою сочетаваясь между собою по законамъ ассоціаціи идей, съ большею или меньшею зависимостію ихъ отъ сердца, вмѣстѣ влекутъ за собою увѣренность въ предле-

¹⁾ См. Вилсаискаго «Біологія», стр. 393.

²⁾ См. Бутирскаго «О духовныхъ болѣзняхъ», стр. 70.

Мгновенной ихъ сущности. Въ этой то невольной игрѣ душевныхъ силъ быстрая преемственность идей, случайно—стройное стеченіе образовъ и представленій, которые при возбужденіи души чувствами получаютъ внутреннюю силу и связь, составляетъ удивительное остроуміе и разумъ сумасшедшихъ. Въ состояніи воодушевленія всѣ силы душевныя вовлекаются въ вкругъ чувства, память *) отдаетъ все богатство словъ, и мысль получаетъ особливую полноту выраженія.

3) *Особенности и странности языка сумасшедшихъ.*

Но въ состояніи спокойномъ, душа сумасшедшаго, среди быстрого теченія идей, очень часто не можетъ извлекать изъ памяти приличнаго слова для выраженія того или другаго представленія (Тогда какъ она представляетъ себѣ, напр. *небо*, память подставляетъ ей для выраженія слово *года*, при мысли о воздухѣ она произноситъ слово — *окно*). Поэтому то языкъ сумасшедшаго большею частію, подобно какъ и въ некоторыхъ другихъ болѣзняхъ, страннымъ образомъ противорѣчитъ внутреннему теченію его мыслей. Но тогда какъ память измѣняетъ такимъ образомъ мысли, — гораздо полнѣйшее и удобнѣйшее выраженіе она находитъ для себя въ томъ или другомъ предметѣ, въ которомъ можетъ осуществляться вдругъ цѣлый рядъ душевныхъ представленій: почему естественный языкъ сумасшедшаго, какъ и спящаго, есть *символическій*, образный, болѣе или менѣе правильный и возвышенный, смотря по *стоянцію сердца*.

4) *Сочувствіе съ физическимъ міромъ.* Объ претраженіи обыкновеннаго пути съ внѣшнимъ міромъ чрезъ мозгъ и чувственные органы, душа обрѣтаетъ себѣ другой исходъ

*) Всѣ воспомнанія имѣють тѣснѣйшую связь съ системою ганглий, — областію сердца; мы удобнѣе воспоминаемъ и долѣе удерживаемъ то, что занимаетъ наше сердце. Symbolik des Traumes, 142—150.

въ жизнь общую, чрезъ систему узловъ и вступаетъ въ обширнѣйшую сферу инстинктуальнаго сочувствія съ природою, пророчески дощущаетъ будущія происшествія физическаго міра, познаетъ совершившіяся уже, но до того невѣдомыя ей, и видитъ отдаленныя дѣйствительныя событія: ибо всѣ явленія физическаго міра прежде, нежели совершаются въ видимой области вещественнаго, начинаются и приготавливаются въ невидимой области—въ невещественныхъ началахъ; и тогда, какъ для нашего внѣшняго ока проходятъ и исчезаютъ послѣднія волны ихъ въ области нашего свѣта, они входятъ въ порядокъ природы и остаются въ немъ навсегда своими слѣдствіями; и ежели то или другое событіе совершается въ своей опредѣленной части пространства, въ тоже время отдаленныя сферы природы, какъ бы по нѣкоторому сочувствію, отзываются соотвѣтственными имъ перемѣнами. Эти начала, концы и предѣлы физическихъ событій ощущаются душою въ области сердца—въ системѣ узловъ. Она ощущаетъ такимъ образомъ отчасти и внутреннія свойства растений, металловъ, которыя неощутимы для внѣшнихъ чувствъ, обнимающихъ только внѣшнюю сторону вещей, но доступны непосредственному ощущенію брюшныхъ нервъ, какъ доказываетъ это инстинктъ животныхъ; познаетъ внутреннее душевное и тѣлесное состояніе людей, изъясняя къ однимъ влеченіе, а къ другимъ особенное отвращеніе: ибо тогда какъ душа человѣческая считаетъ хранину своихъ мыслей, чувствъ и желаній заключенною для всякаго ограниченнаго ока,—ея нравственное состояніе отпечатлѣвается глубокими слѣдами въ духовно-вещественной природѣ челоуѣка, и становится виднымъ не только для существъ безплотныхъ, но и для способныхъ къ тому людей и даже для животныхъ ¹⁾. Но это вѣденіе

¹⁾ Говорятъ, что медвѣдя никакими побужденіями нельзя ввести въ домъ разврата. Впрочемъ, если бы это было и несправедливо: то извѣстно изъ исторій святыхъ, что свѣрбыя животныя забирали свою лютость при видѣ ихъ.

сумасшедшихъ инстинктуально и бессознательно, какъ вѣденіе животныхъ,—мало замѣтно для насъ въ разстройствѣ ихъ душевныхъ дѣйствій и употребляется ими иногда во благо, а иногда ко вреду другихъ, смотря по нравственному ихъ расположенію.

5) *Развитіе и усовершенствованіе души въ состояніи сумасшествія.* По душевному своему расположенію, и сумасшедшіе, подобно какъ лунатики, раздѣляются на два разряда, — кроткихъ и злыхъ; и то и другое качество ихъ, происходя отъ нравственнаго состоянія сердца, въ которомъ застигло ихъ сумасшествіе, обнаруживаетъ двойкій характеръ—добра и зла. Но опытъ показываетъ нерѣдко, что по выходѣ изъ своего болѣзненнаго и несчастнаго состоянія, сумасшедшіе, бывшіе прежде злонравными, становятся подъ конецъ жизни своей добрыми и благочестивыми,—и такимъ образомъ, временно испадая во глубину духовнаго разстройства, вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, чрезъ это глубокое паденіе своего духа внутренно очищаются отъ зла и усовершенствуются. Спрашивается: какъ, среди превратнаго состоянія природы въ сумасшедшихъ, возможно это усовершенствованіе ихъ души? Премудрость Божія такъ устроила нашу природу, что всякое зло въ ней, какъ не естественное ей, не только разрушаетъ и подавляетъ само себя, но и приготовляетъ тѣмъ свободнѣйшее раскрытіе противоположнаго ему добра: такъ за болѣзнію слѣдуетъ лучшее здравіе, за грѣхомъ глубочайшее раскаяніе и пламеннѣйшее стремленіе къ Богу, за меланхолію особливаая легкость душевныхъ силъ, и проч. Сумасшествіе есть не иное что, какъ душевно-физическая болѣзнь, въ которой зловредный тѣлесный зародышъ или только угнетаетъ дѣятельность души, или сообщаетъ ей свои качества. Но этотъ *ложный организмъ* ¹⁾

¹⁾ Всякій болѣзненный зародышъ въ тѣлесномъ организмѣ образуется по подобію его: въ немъ различаютъ кровь, сокъ, жиры, отдѣленія, даже нервную систему,—это ложный организмъ въ истинномъ.

въ человѣкѣ или подавляется собственными силами органическаго истиннаго, или истощается вмѣстѣ съ истощеніемъ тѣлесныхъ силъ; почему вмѣстѣ съ нимъ не только сами собою должны проходить въ душѣ соотвѣтственные ему душевныя качества и настроенія, но по свойственной душѣ нашей упругости тѣмъ легче должны раскрываться въ ней противоположныя качества. Угнетена ли только душа въ сумасшедшихъ, или свободно усвоила чувственную природу отъ плоти, она носитъ въ себѣ неискоренимое сѣмя добра, истины и совершенства—въ сердцѣ; въ его коренныхъ, естественныхъ побужденіяхъ или стремленіяхъ она всегда вѣрна своему назначенію, всегда обращена къ Безконечному, и всегда воспріимлетъ отъ Него вѣяніе свыше. Отсюда, снисходя въ глубину души, именно въ сердцѣ, разстроенныя силы душевныя, въ его коренномъ стремленіи къ Безконечному, какъ бы снова *ориентируютъ* себя, выпрямляются, утверждаются, а въ то же время освѣжаются, воодушевляются, возвышаются. Что-жь, если душа подъ вліяніемъ сердца проживетъ многіе годы? Почему въ изступленіи, въ принадлежѣ бѣшенства, у сумасшедшихъ всегда замѣчается внутренняя какая-то борьба между непреодолимою склонностію и отвращеніемъ къ какому-либо злему поступку¹⁾;—знакъ, что въ нихъ живетъ еще, и, можетъ быть, постепенно усиливается естественная любовь къ добру и отвращеніе отъ зла, чувство истины и стремленіе къ духовному совершенству. Особливо во время сна, можетъ быть, сердце ихъ отверзается для впечатлѣній высшаго свѣта добра и красоты: ихъ бодрственное состояніе есть сонъ; а что есть для нихъ ихъ сонъ?... Какъ бы то ни было, только въ рукахъ Всеблагаго и Премудраго Творца и Промыслителя нѣтъ мѣръ наказанія, кои не служили бы въ то же время и къ совершенству человѣка. Почему—если на

¹⁾ См. Вугирскаго, стр. 55.

сумасшествіе можно взирать какъ на образецъ (типъ) падшаго состоянія, въ которомъ находится родъ человѣчскій, — какъ на бѣдственный конецъ, къ которому стремится и до какого можетъ дойти человѣкъ, предаваясь чувственнымъ наклонностямъ растлѣннаго своего сердца: то, съ другой стороны, едвали будетъ справедливо смотрѣть на сумасшедшихъ какъ на совершенно погибшую часть человѣчества, — только окомъ сожалѣнія; можно, и по всей вѣроятности даже должно, смотрѣть на ихъ бѣдственное состояніе, какъ на предметъ, за которымъ скрываются таинственные пути премудрости и милосердія Божія, — окомъ удивленія. Какъ въ тѣлѣ болѣзнь служитъ часто средствомъ къ большому выздоровленію; ибо во время оной болѣзненныя стихія, въ теченіе времени накопившіяся въ тѣлѣ, нисходя въ глубину организма, вызываютъ въ немъ сокровенныя внутреннія силы къ борьбѣ и противодействию себѣ, которое сопровождается совершеннымъ изгнаніемъ оныхъ изъ тѣла и очищеніемъ его: такъ и въ душѣ болѣзненная личность, т. е. сознание, исключительно занятое какимъ либо недостойнымъ предметомъ желаній и разстроенное имъ, нисходя въ глубину сердца, вызываетъ въ немъ коренныя стремленія души къ истинѣ и добру, на борьбу и противодействие всѣмъ отъ времени и жизни накопившимся въ области самосознательной личности, лживымъ представленіямъ и злымъ наклонностямъ, и этими коренными силами духа мало-по-малу очищается отъ всего лживаго, и порочнаго и исправляется.

Магическія состоянія души.

Животный магнетизмъ.

Понятіе о немъ. Подъ именемъ животнаго магнетизма разумѣютъ динамическій способъ врачеванія, въ которомъ магнетизеръ дѣйствиємъ известной манипуляціи, послѣ многообразныхъ и поразительныхъ явленій въ тѣлесной и духовной организаціи больной особы, какъ бы сообщаетъ ей жизненную силу и такимъ образомъ восстанавливаетъ ея здоровье.

Примѣч. *Магнетизмомъ* этотъ способъ врачеванія названъ по причинѣ нѣкотораго сходства его съ обыкновеннымъ способомъ магнетизированія желѣзныхъ пластинокъ, — а *животнымъ* — для различенія его отъ магнетизма минеральнаго, неорганическаго.

Исторія его. Магнетизмъ животный въ собственномъ, болѣе строгомъ смыслѣ, есть открытіе временъ новѣйшихъ; но нѣкоторыя явленія его — известны были еще во времена древнѣйшія, такъ что поэтому начала (хотя болѣе общаго) и корня магнетизму надобно искать во временахъ глубокой древности. Магнитныя состоянія души относятся къ той части человѣческаго существа, которая составляетъ основу его личности, т. е. къ сердцу; поэтому исторія ихъ есть вообще исторія сердца, а область сердца во всѣ времена была предметомъ наблюденій.

А) У народовъ восточныхъ.

Въ первоначальныя времена человекъ вообще руководствовался въ жизни тѣми силами души, которыя открываются преимущественно въ сердечныхъ состояніяхъ, — а потому не-

удивительно, что народы восточные хорошо извѣдали глубину и широту сердца; въ нихъ сердце какъ бы само себя открывалось,—и эти откровения его были болѣе или менѣе глубоки и истинны, сообразно его нравственному состоянію.

У евреевъ сердце, очищенное Божественною религіею, было органомъ къ сообщенію съ Богомъ и проводникомъ Его силъ въ разумъ и волю человѣка. Такимъ образомъ даръ таинственнаго *вѣденія* раскрывался въ Авраамѣ, Моисей, первосвященникахъ и пророкахъ до непосредственнаго собесѣдованія съ Богомъ,—Иаковъ, Моисей обнаружили даръ предсмертнаго *ясновиднія* въ пророческомъ благословеніи 12 колѣвъ; Авраамъ (отъ Авимелеха), Иосифъ (отъ фараона и по собственному опыту) и Иовъ (отъ Еліуса Іов. XXXIII. 15—19). Знали, что въ *сновидніяхъ* подъ вліяніемъ благодати сердце раскрываетъ даръ провѣденія; Иовъ прозиралъ сердцемъ и въ нравъ *загробнаго состоянія*; въ Иліѣ и Елисеѣ сердце было органомъ чудотворящей силы—врачующей.

У индійцевъ инстинктуальное вѣденіе сердца служило источникомъ философіи; ибо оно почиталось откровеніемъ *высочайшей души*; во снѣ, по ихъ мнѣнію, сердце ходитъ туда, куда недостигаешь оно въ бодрственное время (*uranischad.*),—и чтобы поэтому войти во свѣтъ сердца нужно закрыть все чувства.

Въ *Зендавестѣ персидской* опредѣленно описывается переходъ души въ жизнь вѣчную; свѣденіе о загробномъ мірѣ могъ сообщить только тотъ, кто тамъ былъ—былъ хотя во вратахъ его, т. е. въ *состояніи обморока*.

Египтяне вѣровали, что во снѣ съ душою бесѣдуютъ боги; поэтому они больныхъ своихъ клали въ храмахъ (изъ коихъ извѣстнѣйшіе—Сераписа и Вулкана), въ надеждѣ, что боги представятъ имъ лекарство, способное къ излеченію ихъ болѣзни. Кромѣ того у египтянъ находятъ прямыя намеки на

существованіе у нихъ магнетизаціи; такъ на нѣкоторыхъ храмахъ ваходятъ изображенія двухъ особъ въ положеніи магнетизера и сомнамбулы, — и нѣтъ сомнѣнія, что прорицалища Египта — Оивское и отъ него Аммоніево — были не что иное, какъ отвѣты сомнамбуль.

У аравитянъ былъ обрядъ неистоваго круженія, въ которомъ съ омраченіемъ сознанія возбуждается будто бы даръ прорицанія въ сердцахъ, — тотъ же обрядъ повторяется у шамановъ.

В) У народовъ греческихъ.

Въ Греціи, гдѣ пробудился уже разумъ, но жилъ еще въ дружбѣ съ природою, сердечно-сонныя состоянія души пользовались прежнимъ уваженіемъ и вниманіемъ; сердце извѣстно было, какъ источникъ таинственнаго вѣденія. Такъ оракулы Дельфійскій и Додонскій были не что иное, какъ явленія сомнамбулизма. Платонъ довольно вѣрно понималъ состояніе изступленія; Сократъ предъ смертію говорилъ о способности души видѣть вещи непосредственно; въ школѣ неоплатониковъ состояніе изступленія сдѣлалось даже органомъ философіи; но они истинное, свѣтлое изступленіе отличали еще отъ мрачнаго, которое приписывали злымъ демонамъ; даже атомисты говорили, что во снѣ душа сообщается съ богами; аистики знали и о прорицательныхъ снахъ. Грекамъ извѣстны были частію и врачебныя дѣйствія сердечной природы; такъ Пифагоръ лечилъ болѣзни заклинаніями, а Пирръ, царь епирскій извѣстныя болѣзни лечилъ просто манипуляціею.

С) Въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка, когда разумъ руководился вѣрою сердца, особенно озареннаго свыше, онъ далеко проникалъ въ глу-

бину сердца и пролил много свѣта на его состоянія. И такіе отцы Церкви, какъ Афинагоръ и Тертуліанъ, увѣрены были, что душѣ принадлежатъ способность прорицанія. Но искусство возбуждать эту способность и по паденіи оракуловъ оставалось въ народѣ подъ видомъ гаданія и ворожбы; впрочемъ нѣкоторые напярвенные мистики насильственно погружались во внутреннее прорицалище сердца для извлеченія оттуда свѣта вѣденія. Магнетизмъ, какъ врачебное средство, также безсознательно употребляемъ былъ народомъ; сюда относятся *амулеты* и *талисманы*, какъ органы магнитной силы, *надыханія*, *наговариванія*, Парацельсово леченіе болѣзней магнитомъ, переводъ болѣзней на животныхъ и т. д.; но теоріи его еще не было: натуралисты—Розеръ Багонъ, Парацельсъ и др. гаданіями о таинственныхъ силахъ звѣздныхъ только приближались къ ней.

D) У народовъ новѣйшихъ.

Доселѣ магнитныя состоянія души были только предметомъ наблюденій—непосредственнаго сознанія; а не ученаго изслѣдованія; но какъ наблюденіе объемлетъ всегда только частности, то и неудивительно, если о магнетизмѣ знали только въ частныхъ его фактахъ или лучше сказать, не знали, а знали только частныя его явленія; въ новѣйшія времена разумъ, вообще стремясь все понимать въ цѣломъ, хочетъ постигнуть магнитныя явленія въ ихъ сущности, въ идеѣ, потому здѣсь мы видимъ множество теорій и понятій объ магнетизмѣ—болѣе или менѣе вѣрныхъ и глубокихъ. Ученныя изслѣдованія о магнитныхъ явленіяхъ начались впрочемъ вераньше половины XVIII вѣка, когда магнетизмъ въ настоящемъ его видѣ открылъ ученому міру вѣнскій врачъ докторъ Месмеръ въ 1773 году. Это открытіе произошло слѣдующимъ образомъ.—Допустя вмѣстѣ съ мистиками вліяніе звѣздъ на землю, Месмеръ предполагалъ все-

общее въ некоторое вещество, разлитое во всей природѣ и дѣйствующее на всѣ ея тѣла безъ изытїя, и руководствуясь древними, назвалъ оное *магнитною матерїею*. Испытывая дѣйствїе этой матерїи на человѣческое тѣло въ минеральномъ магнитѣ, онъ прикасался разными искусственными магнитами къ больнымъ частямъ тѣла; скоро увидѣвъ ожидаемыя явленїя сталъ употреблять искусно приготовленные магниты для изцѣленїя многихъ болѣзней и такимъ образомъ дозналъ, что тѣже дѣйствїя на тѣло онъ можетъ производить и собственной силою, заключающеюся въ самомъ его существѣ.

Удачное изцѣленїе иначе не изцѣлимыхъ многихъ болѣзней возбудило вниманїе публики къ волшебному врачу; но скрытность и таинственность способа врачеванїя сильно подстрекали ненависть противъ него другихъ врачей; возникли недовольствїя, преслѣдованїя, что и побудило Месмера оставить столицу имперїи. Явившись чрезъ нѣсколько времени въ Парижъ, онъ издалъ систему животнаго магнетизма; но, основавъ ее частїю на суевѣрїи, онъ навлекъ на себя только презрѣнїе со стороны ученыхъ, между тѣмъ какъ успѣшною практикою прїобрѣлъ расположенность публики, — а отказавъ французскому правительству открыть для всеобщаго употребленїя тайну своего искусства, возбудилъ въ немъ противъ себя ненависть. Между тѣмъ какъ судьба *животнаго магнетизма* колебалась такимъ образомъ между привязанностїю къ нему одной части общества и нерасположенностїю другой, изъ учениковъ и послѣдователей Месмера, которымъ онъ продавалъ свою тайну, составились различныя общества въ Парижѣ, Лионѣ и Стразбургѣ, которыя поддерживали его существованїе и переводили въ Германїю. Снова назначенная французскимъ правительствомъ коммисїя пристрастнымъ отзывомъ объ немъ подала только поводъ къ недоразумѣнїю и спорамъ, кои вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ распространенїемъ его пресѣчены были французскою револю-

цѣю. Но, пересаженный на плодоносную почву умовъ германскихъ, сгатающійся магнетизмъ пустилъ глубоко свои корни; въ Германіи онъ былъ принятъ Бахкеромъ, Ольбергомъ, Бекманомъ и систематически изслѣдованъ Вингольтомъ, Крузе, Эменмайеромъ и др. Отсюда, объясненный и усовершенный, онъ распространился по всѣмъ странамъ Европы. Нынѣ, не пользуясь уваженіемъ въ Англіи, онъ сдѣлался игролищемъ шарлатанства во Франціи,—въ Германіи частію вольнымъ врачевствомъ, частію предметомъ изслѣдованія и, можетъ быть, только въ одной Россіи тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть—важнымъ, но вмѣстѣ опаснымъ врачомъ, состоящимъ подъ бдительнымъ надзоромъ правительства. Вотъ судьба животнаго магнетизма.

Явленія животнаго магнетизма.

Понятіе о магнетизмѣ доселѣ еще не установлено въ ученномъ мірѣ; уже это самое, а еще болѣе то, что отъ различныхъ причинъ видоизмѣняются и самыя явленія магнетизма, не даетъ возможности сдѣлать строгой классификаціи магнитнымъ явленіямъ. Впрочемъ, при общемъ взглядѣ на нихъ, можно различить въ процессѣ ихъ какъ бы два порядка. Одинъ порядокъ явленій представляетъ постепенное растройство бодрствующей жизни или упадокъ личности—въ трехъ главныхъ ея системахъ;—растительной или питательной, —животной или двигательной, и человѣческой или чувствительной (или головной). Второй, слѣдующій за этимъ, порядокъ представляетъ постепенное пробужденіе сонной части человѣческаго существа въ тѣхъ же самыхъ системахъ только въ обратномъ порядкѣ, такъ что сперва пробуждается система чувствительная,—и отсюда происходитъ магнитный сонъ съ внутреннимъ чувствомъ, потомъ двигательная,—отсюда сомнамбулизмъ, и наконецъ ра-

сительная; отсюда полнота жизни внутреннего человека или ясновидѣніе. Надобно замѣтить, что эти явленія происходят не только въ тѣлѣ, но и въ душѣ, такъ что по этому дѣйствіемъ магнетизаціи съ одной стороны весь внѣшній человекъ, какъ бы тѣло, — разумѣется психически, — съ другой внутренней обновляется, — проходитъ видоизмѣненіе человеческого существа по истинѣ поразительной, а именно

Изясненіе явленій животнаго магнетизма

Явленія животнаго магнетизма являются въ общаѣшихъ силахъ и законахъ бытія природы; а умъ человеческій такъ мало еще знаеетъ съ тайнами природы и въ особенности такъ недавно еще началъ заниматься изслѣдованіемъ магнетизма, что поэтому неудивительно, если доселѣ нѣтъ удовлетворительнаго объясняющаго его теоріи. Наша теорія представляетъ изясненіе его сообразно только настоящему состоянию естественныхъ и психологическихъ наукъ, рѣшивъ два существенные вопроса, изъ коихъ первый касается явленій той силы, которую обнаруживаетъ магнетизеръ, а второй — причины явленій, происходящихъ въ магнетизируемой особѣ.

А) Изясненіе дѣйствіи силы магнетизера.

Дѣйствія силы магнетизера имѣютъ свое основаніе въ законахъ органическихъ, а органическія силы суть высшее преобразование неорганическихъ; посему изясненіе этихъ дѣйствій должно заимствовать изъ общей теоріи природы. Итакъ, начавъ съ низшаго и простѣйшаго въ природѣ — неорганическаго бытія, перейдемъ потомъ къ законамъ органической жизни и изъ нихъ попытаемся объяснить явленія магнетической силы.

В) О всеобщихъ силахъ природы.

О существѣ всеобщихъ силъ природы по нынѣшнему со-

стоянію естествознанія, можно признавать болѣе достовѣрными слѣдующія результаты:

1) Всѣ вещественныя тѣла суть видоизмѣненія одной коренной матеріи, изъ которой, дѣйствіемъ силъ, въ ней завитыхъ, все исходитъ и развивается и въ которую все возвращается,—это есть вѣроятво эфиръ.

2) Въ этой матеріи есть неоспоримо сила, все связующая, совокупающая въ единство,—*сила тяжести*, которая всѣмъ тѣламъ сообщаетъ тождество—*массивность*.

3) Но при дѣйствіи одной тяжести въ мірѣ не было-бы разнообразія—качествъ, дѣйствій, состояній; слѣдовательно, должна быть во всеобщей матеріи другая сила, противоположная первой, *сила расширительная*, которая то, (расширяя эфиръ изъ центра въ окружность) является *теплотою*, то (раздвояясь на полюсы) *электричествомъ и магнетизмомъ*, то (уравновѣшиваясь) *свѣтомъ*.

4) Этими двумя силами, въ ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, держится и живетъ весь вещественный міръ; проникая все, онѣ могутъ дѣйствовать чрезъ разстояніе непосредственно; такъ сила тяготѣнія чрезъ далекое разстояніе влечетъ планеты къ солнцу,—сила магнитная обращаетъ магнитную стрѣлку къ отдаленному полюсу,—небесныя тучи вступаютъ въ электрическое напряженіе съ поверхностію земли, и т. д.

II) *Объ органическихъ силахъ природы.*

Различіе между органическимъ и неорганическимъ тѣломъ есть только относительное, и, можно думать, что первое есть только высшее преобразование послѣдняго, такъ какъ во всей природѣ часть есть своеобразное повтореніе цѣлаго въ другомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ и опытъ показываетъ, что организмъ развиваетъ изъ себя начала стихійныя (напр. свѣтъ, те-

плоту, электричество и т. д.), и въ такомъ же отношеніи, какъ и во вселенной: такъ между мозгомъ и оконечностями нервовъ, между сердцемъ и системою волосныхъ сосудовъ имѣеть мѣсто такое же отношеніе центра въ окружности, какое въ свѣтѣ и теплотѣ между солнцемъ и планетами, — въ сходственномъ образованіи правой и лѣвой стороны, у животныхъ верхней и нижней, у человѣка передней и задней открывається полярность электро-магнитная. Итакъ вообще между силами органическими и неорганическими есть аналогія, — онѣ *сходны*, хотя не *тождественны*. Если же такъ, то и первыя, подобно послѣднимъ, могутъ также дѣйствовать чрезъ пространство непосредственно, — какъ и дѣйствительно видимъ это а) — *въ сочувствіи членовъ и во вліяніи ихъ* одного на другой, которое иногда происходитъ безъ всякаго посредства, — такъ напр. простуда ногъ тотчасъ отзывается въ головѣ; б) — *въ динамическомъ вліяніи* матери на самостоятельный организмъ дитяти, находящагося въ утробѣ; с) — *въ симпатіи* близнецовъ, напр. Сіамскихъ, которые въ двухъ лицахъ представляли во всѣхъ отношеніяхъ какъ бы одного человѣка.

III) О силахъ, заключающихся въ человеческомъ существѣ.

Органическая сила въ человѣкѣ возвышается до нервной силы. — Нервы составляютъ органъ, чрезъ который животное чувствуетъ и дѣйствуетъ. Нервная система въ низшихъ животныхъ погружена въ массу тѣла, въ высшихъ возвышена, а въ человѣкѣ получаетъ полную самостоятельность; почему и нервная сила въ человѣкѣ имѣеть наибольшую свободу. Такъ, обр. если въ животныхъ она привязана къ матеріальному органу, то въ человѣкѣ можетъ дѣйствовать и за предѣлы этого органа, — и сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что, сообразно повятію о един-

ствъ человеческого существа, самая нервная сила есть не что иное, какъ сила души, только обращенная къ веществу. Эта то сила и есть причина всѣхъ явленій животнаго магнетизма.

1) Уже сама по себѣ, она имѣетъ возможность простираться свои дѣйствія за предѣлы, указываемые ей матеріальнымъ органомъ — для нервной системою, и превъ посредствующи среды вызывать въ извѣстныхъ предметахъ тѣ или другія явленія, какъ то видно изъ нѣкоторыхъ опытовъ: такъ а) всѣ части мозга могутъ быть разрушены безъ нарушенія отправленій мышленія; б) нервы при одинаковомъ вещественномъ составѣ имѣютъ различныя ощущенія; это показываетъ, что сила нервная не привязана къ нимъ и произвольно можетъ употреблять одинъ нервъ вмѣсто другаго, — вѣтъ пятой пары дѣлать органомъ *зрѣнія и слышанія*, — а сама имѣетъ можетъ быть своей собственный субстратъ — *нервный эфиръ*. Такъ какъ нервный дѣятель имѣетъ большое сходство особенно съ электричествомъ, то понятно теперь, по нему, во время манипуляціи магнетизеръ и магнетизируемая особа чувствуютъ — одинъ истеченіе, другая втеченіе какой-то матеріи, — по чему на пальцахъ, точно какъ, во время электризаціи, ощущается какъ бы паутина, а иногда является даже искра, — это суть явленія непосредственно дѣйствующей нервной силы.

2) Способность нервной силы жизненно простирается магнитныя явленія за предѣлы нервной системы еще болѣе должна усилиться подѣ влияніемъ души. Отсюда изъясняется, какъ нѣкоторыя птицы безъ боя покаркаютъ дощучу, — василискъ обаяннмъ взоромъ убиваетъ человѣка, левъ приковываетъ ободенныя имъ жертвы къ магическому кругу, — какою силою полководецъ ободряетъ унылыя сердца воиновъ, — воодушевленнн ораторъ торжествуетъ надъ сердцами слушателей. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сила воли душевной, видѣвшись въ нерв-

ного дѣятеля, устремляется на предмет дѣйствованія и образуетъ его въ отпечатокъ своихъ качествъ.

3) Но когда душа человѣческая облечется силою Божественнаго Духа, будучи проникнута Его жизнью, тогда психическія дѣйствія нервной силы на природу прострется до чудотворныхъ явленій; ибо будучи органомъ души святой, а чрезъ нее и самой животворящей силы Божіей, она, безъ сомнѣнія, будетъ въ состояніи все уподобить себѣ, такъ какъ вообще все сильное и совершенное, дѣйствуя на слабое и несовершенное, укрѣпляетъ его и усовершеншаетъ.

IV) Цѣлебныя дѣйствія животво-магнитной силы.

Разсматривая животный магнетизмъ, какъ врачебное средство, должно обратить вниманіе 1) на органы, которыми производится это дѣйствіе; 2) на условія, которыя требуются, чтобъ оно было успѣшно; и 3) на самыя перемѣны, производимыя въ больномъ.

1) *Органы животво-магнитнаго леченія* суть тѣлесные члены, сама воля и стороннія вещества.

а) Изъ тѣлесныхъ членовъ самый естественный органъ магнетизированія есть *рука*. Рука у человѣка составляетъ органъ — 1-хъ осязанія и 2-хъ дѣйствованія; по обьимъ этимъ причинамъ она снабжена значительнымъ количествомъ нервовъ, а потому есть особенное выстилающее нервной силой, которая еще болѣе возвышается въ ней непосредственнымъ вліяніемъ воли. Почему, руководимый инстинктомъ, человѣкъ вѣдючи употребляетъ ее въ орудіе врачеванія: такъ отраждая, какъ будто надвѣясь тѣмъ облегчить боль, прилагаетъ руку къ больному мѣсту; мать поглаживаетъ дитя, чтобъ успокоить его, вообще у всѣхъ народовъ въ обыкновеніи было лечити больныя прикосновеніемъ, возложеніемъ руки, потираніемъ ее раз-

личными обрядами. Руку и въ обыкновенномъ быту употребляемъ мы для сообщенія своихъ душевныхъ чувствъ: ею передаемъ ближнему объѣтъ; чрезъ нее мѣняемся чувствами товарищества и дружбы; ее возлагаемъ на дитя въ знакъ благорасположенности; умирающій старецъ ею изводитъ благословеніе на дѣтей.

Другой органъ магнетизированія есть *слово*. Органъ слова есть связь упругихъ хрящей, которая съ одной стороны принимаетъ въ себя множество нервовъ, дабы имѣть силу для выраженія всѣхъ душевныхъ движеній, а съ другой непосредственно соприкасается съ воздухомъ, чтобы передавать ихъ въ звукахъ слушателю. Посему чрезъ голосъ нервная сила еще непосредственнѣе, чѣмъ чрезъ другіе органы, переходитъ на предметъ. Тѣмъ могущественнѣе слово должно дѣйствовать, когда душа вложитъ въ него свою силу, напр. силу вниманія, воодушевленія: здѣсь слово дѣйствуетъ на слушателя *психически*, самую силою души; отсюда то изъясняется, почему слово любви, вѣстивства, наставленія, гораздо могущественнѣе, нежели слово писанное, — и то, какою силою заклинаютъ змѣй или свирѣпыхъ животныхъ, заговариваютъ болѣзни и пр.

Мѣсто слова и руки заступаетъ иногда *глазь*. Онъ соединяетъ въ себѣ и способность ощущенія, какъ рука, и способность выраженія, какъ голосъ. Глазь есть, такъ сказать, самый разрѣшившійся нервъ или самая нервная сила, потому — онъ всегда вмѣстѣлице души. Отсюда, взоръ всегда имѣлъ силу магически дѣйствовать на другихъ. Такъ силою взора и нынѣ укрощаютъ разъяренныхъ животныхъ, повелѣваютъ ими, грозятъ или ласкаютъ ихъ. Подобнымъ образомъ иногда чужой взоръ другаго, принятый нами отверстымъ окомъ, возмущаетъ душу до самой глубины; силою взора можно даже проходящаго на улицѣ человѣка заставить оглянуться.

Иногда *дыханіе* и *слюна* дѣйствуютъ также магнетиче-ски. Воздухъ и влага суть общія и необходимыя условія жи-зни; исходящіе изъ насъ дыханіе и слюна облечены бывають теплотою жизненною и потому могутъ быть виѣстилицемъ и психической силы: такъ на психическое дуновеніе указываетъ обыкновенная метафора: онъ дышетъ любовью, гнѣвомъ, зло-бою и пр.; а слюна раздраженныхъ людей и животныхъ бы-ваетъ даже смертоносна, подобно какъ слюна змѣй. Поэтому, то и другое средство употребляется обыкновенно противъ бо-лѣзней: такъ мать дуетъ дитяти на больное мѣсто, какъ бы отвѣвая болѣзнь; дуновеніемъ и теперь еще лечатъ воспаленія; слюну же употребляли какъ лѣкарства въ Испаніи энсаль-мадоры.

б) Можно дѣйствовать на другихъ и безъ всякаго по-средства органовъ, одною силою воли. Ибо сила воли, уподо-бляющая себя предмету, на которые она устремляется, не при-вязана совершенно къ нервной системѣ; она облекается непо-средственно въ нервный эфиръ, а посредствомъ его можетъ простираться далеко за предѣлы тѣлеснаго организма, и имен-но: а) на близкихъ людей, б) на отдаленныхъ—въ симпатиче-скомъ общеніи съ ними и наконецъ в) даже на отдаленные неодушевленные предметы.

а) Мы знаемъ по опыту, что одна близость человѣка до-бродѣтельнаго, открытаго, благороднаго, наполняетъ душу на-шу непонятнымъ нѣкоторымъ удовольствіемъ, а напротивъ при-сутствіе человѣка чувственнаго, злобнаго, мрачнаго, распростра-няетъ на насъ чувство нѣкоторой тягости, мрака, недоволь-ства,—это есть слѣдствіе соприкосновенія души ихъ съ нашею, посредствомъ нервнаго эфира. Видимъ также, что старики лю-бить обращаться въ обществѣ молодыхъ людей; въ этомъ слу-чаѣ къ юношеству увлекаетъ ихъ та самая стихія жизни, ко-торую оно распространяетъ вокругъ себя и еще болѣе,—такъ

сказать, — духовная стихія свѣтлости, невинности, которую вдыхаютъ юноши въ нервный эфиръ; ту и другую стихію пьютъ въ себя въ этихъ обществахъ старцы и оживляются ею.

б) Когда нервный эфиръ самъ собою наиболѣе отрушивается отъ нервной системы, какъ то бываетъ въ состояніи обморока, вступленія, — или когда сила взаимнаго влеченія душъ другъ къ другу превозмогаетъ силу соединенія нервнаго эфира съ нервной системою: тогда двѣ души могутъ вступать въ сношеніе между собою на отдаленное пространство, и сообщать непосредственно свои мысли и чувства. Отсюда изъясняется непонятная тоска разлученныхъ друзей и супруговъ, когда одного изъ нихъ постигаетъ какое либо несчастье. Въ этомъ случаѣ двѣ души, оставляя свои тѣла, вступаютъ въ связь между собою, какъ полюсы.

г) Случается, что вдругъ, безъ всякой видимой причины, останавливаются часы или падаетъ со стѣны портретъ, ломается струна на инструментѣ друга или сродника, — и послѣ мы узнаемъ, что онъ въ эту самую минуту померъ. Душа умершаго хотѣла этимъ возвѣстить насъ о своей смерти; она была при насъ и подѣйствовала на часы, портретъ, струны. Ибо ежели нервная сила имѣетъ сходство съ силами неорганическими, то почему она не можетъ дѣйствовать и на тѣла неорганическія, подобно послѣднимъ?

Наконецъ с) можно дѣйствовать магнетически на другихъ и посредствомъ неорганическихъ и органическихъ веществъ, дѣлая ихъ вмѣстилищемъ магнитно-жизненной силы, или какъ бы нѣкоторыми магнитными электрофорами. — Таковы суть:

а) *Магнетизированная вода.* Емагнетизируютъ, потирая бутылку, въ которой она содержится, оконечностями перстовъ сверху внизъ, взбалтывая ее нѣсколько разъ и дѣя съ нѣкоторымъ напряженіемъ. Бутылка съ этою водою, изолированная

(шелковой матеріею), на долгое время удерживаетъ въ себѣ магнитную силу.

β) *Магнетизированное стекло* магнетизируется, изолируется и удерживаетъ въ себѣ магнитную силу такъ же, какъ и бутылка.

γ) *Магнетизированное желѣзо*. Оно устроится въ особенномъ приборѣ, именно въ кадкѣ съ нѣсколькими желѣзными пластинками, которой образецъ начертала одна ясновидящая.

Всѣ эти вещества, или приложенныя къ тѣлу, или притягивая внутри, погружаютъ божеваго въ магнитный союзъ. Это приводитъ насъ на память, что вещи, какія только употребляетъ человекъ, какъ то: постель, одежда, книги и пр. — суть вмѣстители психически-жизненной силы. Отсюда то понятно, почему животныя отвергаютъ иногда пищу, брошенную злымъ человекомъ или съ злымъ расположеніемъ.

2) *Условія, при которыхъ употребленіе животнаго магнетизма можетъ быть благотворно*. Эти условія касаются или а) самаго магнетизера, или б) магнетизируемой особы, или с) самаго магнетизированія.

а) Магнетизеръ долженъ быть:

α) Мущина и притомъ зрѣлаго возраста; потому что мущина въ этомъ возрастѣ — какъ наиболѣе изобилуетъ нервною силою, такъ наиболѣе можетъ владѣть собой, чтобы сдѣлать изъ нея благотворное употребленіе.

β) Человекъ честный, религіозный и благонастроенный. Ибо, съ одной стороны, только при этихъ качествахъ человекъ можетъ изобиловать нервною силою, — а съ другой, грубая чувственность, невѣріе и своекорыстіе губительно дѣйствуютъ на большую особу.

а) Лучше, ежели онъ будетъ лице близкое къ больной по нравственнымъ и физическимъ отношеніямъ, соотвѣтственнаго характера, наиболѣе свободный отъ разсѣянія, а всего менѣе врачъ; потому что такой человекъ лучше можетъ сосредоточить свою силу и вниманіе въ больномъ.

б) Магнетизируемая особа должна быть:

а) Или дитя, или женщина; потому что, при своей слабости, они только могутъ придти въ большую зависимость отъ магнетизера и страдательно воспринимать въ себя дѣйствія нервной силы. Притомъ женщина, по особенному образованію своего существа; способнѣе къ ясновидѣнію, также какъ мушкетеръ къ магнетизированію; ибо въ организмѣ первой преимущественно развита воспріимлющая сторона души—*сердечное чувство*, которое въ ней есть какъ бы начатокъ ясновидѣнія,— а въ организмѣ втораго самостоятельная сторона—*сила воли*,— это въ немъ есть какъ бы начало магнитной силы.

б) Страдать такою болѣзнію, которая можетъ быть исцѣлена только животнымъ магнетизмомъ; общая болѣзнь такого рода есть разстройство нервной системы; обыкновенныя медицинскія пособія здѣсь безуспѣшны, потому что предлагаютъ извѣстную крѣпость нервной системы; магическія дѣйствительнѣе, потому что дѣятельность нервной системы и должна быть возбуждена нервной силою.

в) Лучше, если она будетъ предуготовлена или предрасположена къ опыту довѣрчивостію къ магнетизеру, надеждою выздоровленія, спокойствіемъ, молитвою и пр.

г) Касательно магнетизированія нужно наблюдать магнетизеру слѣдующія условія:

а) Приступая къ дѣйствованію сосредоточить свое вниманіе, воодушевиться вѣрою, удалить всѣ мятежныя мысли и чувства; въ противномъ случаѣ должно или не начинать дѣйствія, или скорѣе прекращать его.

б) Посадивши прямо противъ себя больную особу, водить съ извѣстнымъ напряженіемъ духа распростертыми перстами обѣихъ рукъ сверху внизъ—отъ головы къ сердцу—отнюдь не-обращая рукъ въ противоположномъ направленіи.

γ) Магнетизированія не продолжать далѣе того, какъ окажутся всѣ признаки магнетическаго сна, какъ вообще не продолжать безъ нужды и самаго врачеванія; при нарушеніи той и другой предосторожности больная приходитъ слишкомъ въ тѣсную зависимость отъ магнетизера, которая вредна для обоехъ.

3) *Дѣйствія или перемѣны, производимыя магнитными силами въ больной.*

доулу и ттв.

Дѣйствуя нервною силою на магнетизируемую особу, магнетизеръ производитъ въ ней разнообразныя перемѣны, происходящія въ обѣихъ половинахъ ея существа,—чувственной и духовной; больная сначала испытываетъ различныя болѣзненные перемѣны въ тѣлѣ,—судороги, колюще, тягость и пр.; но потомъ всѣ эти болѣзненные вліянія мало по малу утихаютъ—и больная начинаетъ чувствовать сильную склонность ко сну; чувствительность ея мало по малу ослабѣваетъ,—и она постепенно склоняется ко внутреннему лону существа своего—уходитъ въ безсознательную область сердца и, послѣ глубокаго вздоха, засыпаетъ. Такимъ образомъ всѣ разнообразныя перемѣны, производимыя магнитными силами въ больной, разрѣшаются окончательно *сномъ*—и здѣсь какъ бы приводятся къ одному знаменателю.

Магнитный сонъ совершенно похожъ на сонъ обыкновенный,—только глубже и крѣпче его, такъ что въ немъ для больной преобразуется, повидимому, всякая внѣшняя связь съ міромъ,—душа ея становится нечувствительною къ самому тѣ-

ду. Обмѣнованный сонъ происходитъ отъ того, что душа, какъ бы свертывая свои личныя формы жизни—сознаніе и свободу, заключается въ глубокомъ и мрачномъ лонѣ существа своего и вмѣсто разумно-свободной жизни начинаетъ жить инстинктуальною жизнію сердца. Магнитный сонъ есть только дальнѣйшее поступленіе души въ лоно сердца. Онъ естественно происходитъ отъ дѣйствій магнетизаціи. Процессъ магнетизированія есть не иное что, какъ постепенное ослабленіе мозговой области нервной системы и склоненіе разума къ сердцу. Магнетизеръ, потирая руками тѣло больного сверху внизъ по направленію нервъ, отвлекаетъ жизненную силу чувствованія отъ головы къ системѣ узловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ силою воли заставляетъ и самую душу переселяться изъ окружности мозга къ центру узловъ, свивать свою личность и углубляться въ въ свою основу—сердце. Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ дѣйствіемъ манипуляціи магнетизеръ отвлекаетъ отъ мозговой системы жизненную силу, ея дѣятельность слабѣетъ, внѣшнія чувства одно за другимъ закрываются, разумокъ и самосознаніе зыблются, душа лишается всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, уходитъ внутрь и заключается сама въ себѣ—во глубинѣ своего внутренняго міра—сердцѣ. Отсюда понятно, почему ничто внѣшнее, въ магнитномъ снѣ, не дѣйствуетъ на больную; оно для нея какъ бы не существуетъ. Отсюда же изъясняются и тѣ явленія, что душа иногда не чувствуетъ своего тѣла и тѣхъ ужасныхъ болѣзней, какимъ его подвергаютъ. Причина ихъ та, что душа здѣсь оставляетъ нервную систему и сосредоточивается въ себѣ, а потому не только не чувствуетъ никакихъ болѣй, но даже ощущаетъ какое то удовольствіе, какъ плодъ отрѣшенія отъ узъ тѣла.

Магнитный сонъ долженъ быть предѣломъ магнетизированія,—а слѣд. и всѣхъ вліяній и перемѣнъ, какія можетъ непосредственно произвести въ больной сила магнетизера. Ушедши

въ свою глубину душа становится недоступною для вѣшнихъ вліяній; но не здѣсь предѣлъ ея дѣятельности. Находясь въ лонѣ своего собственнаго существа, она подчиняется внутреннѣйшему ходу своей жизни—начинаетъ жизнь сердечную, раскрывая сокровеннѣйшія силы существа своего. Итакъ слѣдуетъ теперь рассмотреть и по возможности объяснить тѣ психологическія явленія, которыя происходятъ во глубинѣ души больной особы.

В. Изъясненіе явленій, происходящихъ въ области сердца магнетизируемой особы.

Магнитный сонъ—безъ чувства—есть пребываніе души только еще какъ бы на границахъ сердца. Съ дальнѣйшимъ поступаніемъ въ область магнитной жизни больная, вошедши въ свою основу, получаетъ и силу дѣйствовать независимо отъ обыкновенныхъ условій и формъ проявленія жизни—отъ законовъ разсудка, дѣйствовать *сама изъ себя и въ себя*, безъ всякихъ посредствъ, своею, такъ сказать, основою. Въ существѣ души заключено все, что есть на поверхности ея—въ области свободно-сознательной, есть всѣ силы, но только какъ бы въ сѣмени, не развитыя въ опредѣленную форму; ибо въ формѣ вообще не можетъ быть содержанія новаго, котораго бы не было въ сущности; поэтому сердцемъ, какъ внутреннимъ существомъ, душа и мыслить, и чувствуетъ и желаетъ, только особеннымъ образомъ. Такимъ образомъ неудвительно, если по прекращеніи всякой жизнедѣятельности, въ магнетизируемой особѣ открывается особаго рода дѣятельность—глубочайшая: вмѣсто обыкновенныхъ, закрытыхъ чувствъ, отрывается въ ней одно внутреннее чувство, которое постепенно пріобрѣтаетъ особенную тонкость. Первоначально оно обращено бываетъ, какъ и естественно, на внутренній ходъ жизни, но потомъ и на вѣшніе отдаленные предметы, лица и вещи, находящіяся

только въ какомъ либо отношеніи къ большой особѣ. На высшей ступени больная вступаетъ посредствомъ него въ сношеніе даже съ высшимъ духовнымъ міромъ, предвидитъ будущее. Вообще психологическіе феномены въ магнитной жизни можно признать за различныя ступени одной силы ясновидѣнія, которая, проходя въ своемъ раскрытіи чрезъ всѣ составныя части челоуѣческаго существа, является сперва *видѣніемъ*, потомъ *симпатією* и наконецъ *высшимъ сознаніемъ*. И слѣд. вся теорія магнитной жизни можетъ быть сведена въ теоріи ясновидѣнія или непосредственнаго сношенія съ предметами — на различныхъ его степеняхъ.

Первый ступень ясновидѣнія—видѣніе.

Въ магнитной жизни открывається въ душѣ больной какое-то особенное непосредственное чутье, которое, постепенно увеличиваясь, возвышается до ясновидѣнія предметовъ отдаленныхъ по пространству и времени; оно имѣетъ центромъ своимъ сердце, такъ что поэтому сомнамбулы читаютъ письма, прилагая ихъ къ сердцу, — и звуки слышатъ тоже сердцемъ. Объ этомъ надобно сказать слѣдующее:

1) Вообще — въ душѣ нашей есть способность непосредственнаго сношенія съ вѣшнимъ міромъ. На это есть указанія а) въ самомъ чувствованіи: въ душѣ нашей, кромѣ извѣстныхъ пяти чувствъ, есть еще общее нѣкоторое чувство, безразличіе тѣхъ раздѣльныхъ чувствъ, посредствомъ котораго она чувствуетъ *общее* въ природѣ, такъ какъ посредствомъ тѣхъ чувствъ — *частныя ея* процессы; а слѣд. и въ тѣлѣ долженъ быть непосредственный особенный органъ чувства, какъ субстратъ его, который въ прочимъ чувственнымъ органамъ долженъ быть въ такомъ же отношеніи, какъ самое чувство — сила заключенная въ немъ — къ прочимъ чувствамъ, т. е., какъ корень въ вѣтвяхъ; этотъ органъ души чувствующей есть — нерв

ный эфиръ; и слѣд. у души есть прямая возможность безъ чувственныхъ органовъ посредствомъ перваго эфира соединиться съ высшими предметами. Но душа, можно сказать, и безъ перваго эфира можетъ чувствомъ постигать міръ дѣйствительный. На это указаніе есть β) въ инстинктѣ, въ которомъ, особенно когда не руководится разумомъ, участвуетъ и душа наша. Инстинкта, какъ сочувствія съ природою, вообще нельзя удовлетворительнѣе изъяснить, какъ предположивъ, что есть непосредственное сношеніе у души съ міромъ, въ слѣдствіе коего она имѣетъ нѣкоторое непосредственное представленіе о немъ; въ душѣ дѣйствительно есть нѣкоторое чувство жизни природы, которое потоку только проявляется посредствомъ чувственныхъ раздѣльныхъ наблюдений. Въ бодрственной жизни оно бываетъ заглушено разумною дѣятельностію; но когда унагождаетъ личность, тогда оно и пробуждается во всей своей силѣ, и вотъ первая степень ясновидѣнія! Ибо въ магнитной жизни дѣйствительно это самое естественное сочувствіе съ природою и раскрывается до степени ясновидѣнія.

2) Органомъ магнитнаго ясновидѣнія является *сердце*. Такъ и должно быть. Въ тѣлесномъ организмѣ нашемъ есть два центра ощущенія: одинъ въ мозгѣ, а другой въ желудкѣ — въ системѣ узловъ; это суть какъ бы два нервныя древа, которыми душа поочередно животворитъ своимъ присутствіемъ дѣлая ихъ органами сознанія. Такъ какъ источникъ ощущеній не въ нервахъ, а въ душѣ, то естественно, что, когда душа переселяется изъ области мозговой и переходитъ въ область желудочную, съ упадкомъ ощущенія мозговаго, должно усилиться ощущеніе сердечное. Отсюда видно, почему въ магнитной жизни обыкновенные органы чувства становятся не дѣйствительными, а дѣйствительнымъ органомъ ощущеній является сердце — желудочная область первичнаго узла.

3) Инстинктуальное чувство, раскрывающееся въ магнитной жизни, имѣетъ весьма обширный кругъ дѣйствованія, какъ по пространству, такъ и по времени, и —

а) По пространству, такъ что сомнамбула чувствуетъ самыя отдаленныя вещи и тончайшія дѣйствія природы, которыя далеко выходятъ изъ круга обыкновеннаго чувства. Это чрезмѣрное расширеніе круга опыта сомнамбулы можно объяснить съ одной стороны свойствомъ самаго чувственнаго органа, чрезъ который она дѣйствуетъ, а съ другой и образомъ дѣйствованія ея души.

а) Она чувствуетъ сердцемъ; — а извѣстно, что стороною сердца человекъ погруженъ въ общую жизнь природы, въ системѣ нервныхъ узловъ отражаются процессы міровой жизни; поэтому естественно, что въ чувствахъ сердца сомнамбулы отвѣчаются самыя тончайшія дѣйствія силъ природы. Есть люди, для коихъ, по причинѣ большаго развитія въ нихъ нервной системы, и въ обыкновенномъ состояніи здоровой личности, бываютъ ощутительны динамическіе процессы природы. Это неестественно; наши чувства суть видоизмѣненія силъ природы, — нервная система, изъ которой они развиваются, есть, такъ сказать, жизненный нервъ природы; а потому въ нихъ и должны бы быть доступны для сознанія самыя тончайшія вліянія природы; этого не бываетъ теперь, но только потому, что эти вліянія притупляются въ грубой массѣ нашего тѣла, которая собственно и есть главное препятствіе тому, чтобы видѣть въ наготѣ жизненные процессы природы; значить, когда тѣлесность будетъ утончена, а нервная система возвышена, то многое должно быть доступнымъ для чувствъ, что въ обыкновенномъ состояніи ихъ выходитъ изъ круга опыта. Но нервная жизнь никогда такъ не возвышается, какъ въ состояніи магнитности; здѣсь душа уже нѣкоторымъ образомъ отрѣшается отъ

тѣла, вступаетъ въ область чисто нервную и—еще болѣе—по-
селяется въ самыхъ узлахъ нервной системы, узлахъ, въ кото-
рыхъ, какъ бы въ нѣкоторомъ фокусѣ, сосредоточена вся сила
ощущенія, разрушаемаго и усиляемаго въ другомъ фокусѣ нерв-
ной системы—фокусѣ внѣшнихъ чувствъ; значить, въ магнит-
ной жизни и должно быть ясно для души многое такое, что
отъ чувствъ внѣшнихъ, всегда болѣе или менѣе грубыхъ,
сокрыто.

β) Впрочемъ, въ высшихъ состояніяхъ магнитной жизни
душа иногда можетъ дѣйствовать въ отношеніи къ міру дѣй-
ствительному и нѣкоторымъ особеннымъ образомъ—именно: мо-
жетъ ощущать внѣшніе предметы и внѣ нервной системы,—ви-
дѣть ихъ посредствомъ своего собственного свѣта, который
она развиваетъ изъ нервовъ и дѣлаетъ непосредственнымъ орга-
номъ своихъ дѣйствій. Этимъ-то свѣтомъ она освѣщаетъ для
себя какъ собственное тѣло, которое, по отрѣшеніи ея отъ
узъ его въ состояніи магнитнаго ясновидѣнія, есть для нея
нѣчто внѣшнее, такъ и другія отдаленныя вещи.

б) По времени, такъ что душа больной или сомнам-
булы α) вдругъ, во всей цѣлости, воспоминаетъ цѣлые отда-
ленные періоды, а нѣрѣдко и всю жизнь прошедшую, и β) пред-
видитъ будущее.

α) Воспоминаетъ всю прошедшую жизнь свою—и притомъ
не по обыкновеннымъ законамъ ассоціаціи идей, а вдругъ и
во всей полнотѣ цѣлостной, какъ одну живую картину. Это
происходитъ такимъ образомъ.—Въ душѣ нашей есть какая-то
глубина—какъ бы лонъ жизни, откуда все исходитъ и куда
снова все, что человекъ въ теченіи жизни ни мыслить, ни чув-
ствуетъ, ни желаетъ, возвращается, чтобы составить одно цѣ-
лостное—нравственную природу души,—куда не проникаетъ
свѣтъ обыкновеннаго сознанія; ибо оно для него, такъ какъ оно
дѣйствуетъ подъ условіемъ нервной системы, преграждается.

Но, какъ ни глубоко это сокровенное лоно жизни, содержаніе его не потеряно для души; въ душѣ, кромѣ сознанія разсудочнаго, которое всегда скользитъ только по одной поверхности души, есть еще глубочайшее самосознаніе—непосредственнѣйшее (а не условливаемое состояніемъ нервной системы и формами разсудка) проявленіе самой души, которымъ она можетъ освѣщать для себя самую глубину существа своего; отвѣтъ этого сознанія мы видимъ въ совѣсти, которая въ счастливыя минуты разоблачаетъ предъ нами самые сокровенные помыслы,—представляетъ предъ наши взоры вдругъ цѣлую картину жизни со всѣми ея оттѣнками. Но свѣтъ этого высшаго сознанія скрывается въ насъ какъ бы подъ спудомъ. Напряженная дѣятельность разсудка, опирающагося на нервной системѣ, подавляетъ его (на время), подобно какъ и вообще въ насъ сознательная дѣятельность разума безсознательную дѣятельность сердца. Такимъ образомъ главная причина, полагающая преграду дѣйствію въ насъ духовнаго созерцанія есть постоянное напряженіе разсудка и нервной системы; значить, когда эта сознательная жизнедѣятельность ослабѣетъ, тогда естественно это сознаніе должно пробудиться. Такимъ образомъ дѣйствительно при упадкѣ, изнуренныхъ дѣятельностию, разумно-свободныхъ силъ и нервной системы, иногда раскрывается какъ бы самое лоно души, на горизонтѣ разливается какое-то сіяніе свѣта, проникающаго самые сокровенные изгибы сердца,—а предъ смертію, когда упадаютъ совершенно и разсудокъ и память и даже самосознаніе, пробуждается сознаніе, обозрѣвающее всю жизнь въ цѣлости со всѣми ея видоизмѣненіями. Подобное вѣчто происходитъ съ душою и въ состояніяхъ магнитныхъ. Въ нихъ, какъ извѣстно, дѣйствиємъ манипуляціи черная—мозговая система упадаетъ, а вмѣстѣ съ нею свертывается къ центру и личность; значить для соннамбулы преграда, препятствующая сознанію освѣщать глубину сердца, не существуетъ; и потому сознаніе

ея погружается въ самую глубину сердца; но погружившись ѿдѣ здѣсь должно найти все содержаніе прошедшей жизни. Ибо въ душѣ ничто не пропадаетъ, а все слагается въ одно цѣлое, вѣчный характеръ души, такъ что душа въ своей глубинѣ есть единая рѣка жизни, слагающаяся изъ различныхъ потоковъ мыслей, чувствованій и желаній, — и вотъ какимъ образомъ происходитъ ясновидѣніе прошедшаго, при упадкѣ обыкновеннаго сознанія.

б) Предвидить будущее — то, чего еще нѣтъ. Эта способность предвѣденія въ сомнамбулахъ имѣетъ три, одна надъ другою возвышающіяся, степени. На первой степени они предвидятъ только состоянія собственной жизни, естественныя, напр. болѣзни, смерть. На второй — предсказываютъ будущія переменны какъ въ естественной жизни другихъ людей, такъ и въ жизни природы. На высшей степени они нерѣдко проникаютъ въ связь дѣйствій свободы и предсказываютъ не только отрывочные моменты жизни, но развертываютъ цѣлыя картины событій. Предсказанія свои они выражаютъ обыкновенно языкомъ чиселъ; и потому ихъ прозрѣнія, какъ впрочемъ и должно быть, отзываются какимъ-то мистицизмомъ.

Касательно образа выраженія можно замѣтить слѣдующее: числа вообще у религіозныхъ мистиковъ играютъ важную роль и конечно имѣютъ нѣкоторое приложеніе къ жизни міра, устроеннаго числомъ. Какъ вообще число есть выраженіе времени — послѣдовательнаго порядка вещей, такъ и въ частности должны бытъ числа (знаменательныя), которыя выражали бы собою отдѣльные важные моменты времени. Таковы числа: 7, 3, 40. Они выражаютъ, можетъ быть, такты въ процессѣ жизненной силы природы, подобно какъ нѣкоторыя основныя формы пространства для ея пластической силы. Но выразить имъ тайны природы конечно можетъ только посвященный въ нихъ — и именно, кто глубоко сочувствуетъ такту

жизненной силы, кто, такъ сказать, чувствуетъ бѣненіе пульса природы. Такимъ образомъ это отчасти возможно бываетъ въ состояніи сомнамбулизма, когда душа входитъ въ тѣсный союзъ съ жизнью, и сомнамбулы дѣйствительно свои тайны созерцанія природы выражаютъ числами.

Что касается самаго прозрѣнія въ будущее, то для объясненія его есть три теоріи; но каждая изъ нихъ сама по себѣ недостаточна, изъясняетъ только одну какую либо сторону ясновидѣнія будущаго,—а всѣ вмѣстѣ изъясняютъ дѣло.

Первая теорія--натуралистовъ—выступаетъ изъ понятія о предчувствіяхъ естественныхъ явленій. Извѣстно, что всякое дѣйствіе природы, прежде нежели станетъ явленіемъ, уже существуетъ въ предшествующемъ порядкѣ вещей, какъ зародышъ въ утробѣ матери,—и не достигаетъ до нашего сознанія только по грубости нашихъ чувствъ, которыя не могутъ проникать во глубину естества, чтобы созерцать тамъ событія еще зачинающіяся и не существующія въ явленіи. Значитъ, чтобы почувствовать какуюнибудь вещь природы еще неосуществившуюся, для этого достаточно имѣть только тончайшую организацію и особенное нѣкоторое тонкое чутье къ ходу событій; для тонкой чувствительности естественно должны быть ощутительны самыя сокровенныя дѣйствія природы, которыя для обыкновеннаго чувства еще не существуютъ. Но никогда чувствительность не достигаетъ столь высокой степени, какъ въ магнитной жизни—жизни сердца, погруженнаго въ лоно общей жизни. Поэтому неудивительно, если сомнамбулы предсказываютъ будущія событія; они чувствуютъ ихъ какъ уже настоящія. Вотъ сущность теоріи натуралистовъ. Но ея можно объяснить только предсказанія событій необходимыхъ и притомъ самыхъ общихъ, а не всѣхъ подробностей и еще менѣе событій свободныхъ—случайныхъ.

Для объясненія прорицанія подобнаго рода событій, есть теорія супранатураллистовъ, которые объясняютъ всё эти предсказанія изъ откровенія міра духовнаго—безплотныхъ силъ, имѣющихъ союзъ съ человѣкомъ. Этою теоріею съ одной стороны конечно можно объяснить весьма многое; но съ другой стороны она для прочности и основательности своей, требуетъ другой опоры. Спрашивается: какъ самъ духъ, открывающій, знаетъ будущее, если онъ есть духъ, живущій во времени? Для рѣшенія этого вопроса возможенъ еще третій способъ объясненія, выступающій изъ понятія о времени.

Время не есть что-либо безсвязное, а напротивъ есть вѣчно органически цѣлое, стройный порядокъ бытія, отъ вѣчности существующій въ умѣ Божественномъ и раскрывающійся послѣдовательно въ дѣйствительномъ бываніи тварей; слѣд., всё вѣка суть только моменты одного бытія, суть частные круги одного великаго периферія ограниченной жизни, такъ что тому уму, который поставленъ въ самомъ центрѣ круга времени, который созерцаетъ идею міра, раскрывающуюся во времени, естественно открывается вся цѣлость существующаго и бывающаго. Человѣкъ не видитъ этой цѣлости потому, что онъ поставленъ въ одномъ пунктѣ времени—въ одномъ настоящемъ.

Такая ограниченность его одними настоящими явленіями міра главнымъ образомъ зависитъ отъ тѣла, которое по тѣсной связи съ духомъ погружаетъ его въ міръ явленій; ибо духъ по природѣ своей созданъ не для настоящаго, частнаго, а для вѣчнаго, общаго, неизмѣннаго. Значить, когда духъ отрѣшится отъ тѣла и вступить въ свою собственную сферу—общаго, то естественно увидитъ тамъ, не одни быстролѣтныя явленія настоящаго, а и прошедшее, изъ котораго они развиваются и будущее, начало коему они полагаютъ своимъ бытіемъ, увидитъ вѣчный порядокъ, который осуществляется во времени. Въ

этот порядок входить и свободныя дѣйствія человѣка; ибо свобода человѣка никогда не можетъ разрушить плановъ Божественной премудрости, переменить ходъ событій, а напротивъ она только выполняетъ идею Творца. Итакъ для духа, отрѣшившагося отъ тѣла, есть возможность предвидѣть будущее. Эта-то возможность и становится для человѣка въ магнитномъ состояніи дѣйствительною.

Вторый степень очевидна — сочувствіе сомнамбулы съ магнетизеромъ.

Въ глубокомъ магнитномъ снѣ сомнамбула нередко приходитъ въ такую тѣсную симпатію съ магнетизеромъ, что въ душѣ ея отражается все, что есть въ душѣ магнетизера, — она сочувствуетъ всѣмъ его мыслямъ, желаніямъ, состояніямъ, словомъ, воспріимлетъ въ свое чувство какъ бы всю его душу. Какъ изъяснить такое явленіе? Сочувствіе часто встрѣчается и въ обыкновенной жизни: такъ друзья сочувствуютъ другъ другу, когда они и въ отдаленіи, — такъ въ собраніи часто послѣ молчанія всѣ вдругъ находятъ на одну мысль, хотя у каждаго есть свой ходъ мыслей и проч. Это показываетъ, что всѣ люди находятся между собою во внутренней связи, что какой-то духъ жизни проходитъ сквозь всѣ субъекты и соединяетъ ихъ въ одинъ организмъ — родъ человѣческій. И дѣйствительно, всѣ люди имѣютъ одну природу, которая живетъ во всякомъ предметѣ — только съ частными какими либо качествами; потому всѣ должны имѣть одно общее чувство, какъ члены одного организма; сочувствіе при единствѣ природы необходимо. Если теперь мы находимъ мало сочувствія между людьми, то это отъ того, что общая природа въ различныхъ предметныхъ очень много уже видоизмѣнена личными свойствами субъектовъ. Но когда частныя различія лицъ уклоняются, тогда необходимо должна

бить между ними симпатія,—и вотъ почему въ любви съ особенною силою открывается сочувствіе! Но въ магнитномъ слѣ это сочувствіе должно раскрыться еще болѣе, ибо здѣсь душа сомнамбулы совершенно отрицается своей личности, и погружается въ лоно природы—сердце, гдѣ сокрытъ глубочайшій корень единенія людей.

Высшій степень ясновидѣнія.

Состояніе симпатіи представляетъ собою жизнь сомнамбулы только еще въ области душевной; на высшей степени больная иногда обнаруживаетъ высшее духовное сознаніе: такимъ образомъ здѣсь она нравственно просвѣтляется, вступаетъ въ союзъ съ міромъ чисто духовнымъ и изъясняется языкомъ возвышеннымъ.

Все эти явленія въ душѣ суть слѣдствія отрѣшенія ея отъ тѣла и углубленія въ саму себя.

Во глубинѣ своего существа душа наша внутренно стоитъ въ связи—

а) Съ самымъ Божественнымъ Духомъ, всеобъемлющимъ и всепроницающимъ, который таинственно влечетъ ее къ Себѣ своею Божественною красотою; значить, когда душа низойдетъ во внутреннюю глубину существа своего, то она чрезъ это вступить во внутренній союзъ съ Богомъ; здѣсь причина, почему въ больной на высшей степени открывается особенно возвышенное чувство религіи, любовь къ Божественному.

б) Съ подобными себѣ существами міра духовнаго; ибо она есть гражданка царства духовнаго; значить по отрѣшеніи отъ тѣла, уединяющаго ее отъ міра духовнаго, она естественно должна вступить въ общеніе съ духами; отсюда понятно, какъ сомнамбула видитъ духовъ и бесѣдуетъ съ ними.

Живя въ мірѣ высшемъ—духовномъ душа естественно должна и выражать себя языкомъ духа; вотъ откуда выпренокость языка ясновидящихъ,—она есть естественное слѣдствіе раскрытія въ нихъ высшаго сознанія.

Вотъ возможная по настоящему состоянію науки теорія животнаго магнетизма!

Въ защищеніе этой теоріи можно сказать то, что она 1) не противорѣчитъ важнѣйшимъ истинамъ откровенія, а напротивъ, даже нѣкоторыя изъ нихъ объясняетъ и 2) открываетъ нѣкоторыя тайны природы; такимъ образомъ изъ нея, вообще говоря, можно сдѣлать нѣкоторые важные выводы, особенно для психологіи, касательно внутренняго существа души, ея независимости отъ тѣла, ея отношенія къ міру и къ Богу и т. д.

Статья эта составлена однимъ изъ воспитанниковъ Киев. Академіи XII курса съ устныхъ лекцій профессора Авсенева, въ 1843 году, и пересмотрѣнная самимъ профессоромъ; одобрена имъ для классическаго употребленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Естественное развитіе и жизнь души.

Происхожденіе души.

При изслѣдованіи этого предмета, мы предложимъ сначала А, мнѣнія о немъ различныхъ мыслителей, а потомъ В, со-общимъ и свое собственное сужденіе.

А.

Вопросъ о происхожденіи души показываетъ, что ее про-тивополагали тѣлу. Изъяснить происхожденіе существа мате-ріальнаго всегда почитали нетрудною задачею: но какъ и отъ чего можетъ происходить существо простое, духовное, какова душа? Вопросъ этотъ допускаетъ только три разныхъ отвѣта: или 1) душа существовала отъ начала міра гдѣ-либо прежде соединенія съ тѣломъ (praeexistentianismus); или 2) творится вновь при рожденіи тѣла и съ нимъ соединяется (creatianismus), или 3) переходитъ изъ естества родителей въ тѣло рождае-маго (transucianismus). Разсмотримъ ихъ порознь.—

1) Гипотеза *предсуществованія* (praeexistentianismus). Ею предполагается, что всѣ души человѣческія существуютъ отъ созданія міра, и до внѣшества въ тѣло живутъ гдѣ-либо— или въ соединеніи съ Богомъ, или въ нѣкоторомъ блаженномъ обиталищѣ (душѣ міра), либо странствуютъ по тѣламъ живот-ныхъ, и потомъ каждая, когда рождается для ней тѣло, либо въ наказаніе, либо въ награду, вводится въ него, какъ въ го-товый домъ. Этому мнѣнію, въ томъ или другомъ видѣ, слѣдо-

вали древніе языческіе народы: монголы, индѣйцы, египтяне, персы, мексиканцы и другіе; изъ философовъ: Емпедокль, Пифагоръ, Порфирій. Изъ учителей и писателей Церкви къ этому мнѣнію, въ лучшемъ его смыслѣ, склонялись, повиданому, Оригенъ, Климентъ александрійскій, Немезій, а переселеніе душъ находило пріемъ только у гностическихъ сектъ. Мнѣніе это подкрѣпляли тѣми свойствами души, которыя какъ бы невольно возводятъ мысль за начало настоящаго бытія—въ вѣчность; таковы неизъяснимыя изъ опыта явленія—происхожденіе идей, прирожденность зла или добра, какъ бы предопредѣленная кому счастливая или несчастная доля и проч.

Эта гипотеза всегда возбуждала противъ себя справедливое негодованіе св. отцевъ Церкви, и въ опроверженіе ея св. Іустинъ философъ, Григорій Нисскій, Василій Великій и другіе говорили слѣдующее:

а) Она противорѣчитъ внутреннему опыту: мы не помнимъ никакого періода жизни и дѣятельности до начала сознанія; а потому соединеніе нашихъ душъ съ тѣлами не можетъ быть ни наградою, ни наказаніемъ; а безъ того ни настоящая, ни предъидущая жизнь при этой гипотезѣ, не можетъ имѣть никакого смысла.

б) Она влечетъ за собою множество недоумѣній, чѣмъ и гдѣ была душа до соединенія съ тѣломъ, что дѣлала, или почему была въ бездѣйствіи, для чего послана въ тѣло и проч.

в) Основывается на ложномъ понятіи объ отношеніи души къ тѣлу, ибо тѣло почитаетъ столько же случайнымъ для души, сколько домъ для жителя, или одежда,—что несправедливо.

Что же касается до вышеупомянутыхъ явленій опыта, въ изъясненіи коихъ эта гипотеза думаетъ находить подкрѣпленіе себѣ, то они гораздо лучше изъясняются изъ другихъ началъ, — и именно: а) идеи имѣютъ начало своего происхожденія въ стремленіи духа къ Безконечному; б) прирожденность зла или

добра есть наследіе отъ прародителей и предковъ; в) непонятное распредѣленіе жребіевъ есть дѣло премудраго Промысла.

Впрочемъ въ этомъ мнѣніи есть и часть истины. Не весь я произошелъ во времени; къ бытію моему принадлежитъ нѣчто, выходящее за предѣлы естества, что вложено въ меня Богомъ и что, слѣдовательно, прежде начала моего бытія было въ Немъ.

2) Гипотеза *творенія* душъ (creatianismus). Ею полагается, что души не существуютъ отъ начала міра, а *творятся* Богомъ, въ то самое время, когда образуется тѣло. Защитниками этого мнѣнія были изъ отцевъ Церкви: Теодоритъ, Кириллъ александрійскій, Амвросій, Иларій. Къ принятію его приводили ихъ частію невыгоды другихъ гипотезъ, частію высокое достоинство души, которая будто бы не могла имѣть земнаго происхожденія, и должна была выйти непосредственно изъ рукъ Творца. Но св. отцы Церкви находили и въ ней нѣкоторыя неудобства; и именно:

а) Она вводитъ въ естественный порядокъ міра сверхъестественное твореніе.

б) Она разрываетъ естественную связь поколѣній рода человѣческаго между собою и дѣлаетъ неизъяснимымъ переходъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ свойствъ, а слѣдовательно и грѣховной порчи отъ родителей къ дѣтямъ, который однакожь подтверждается всеобщимъ опытомъ. Если душа выходитъ чистою изъ рукъ Творца, то откуда въ ней зло? Отъ тѣла? Но этой мысли не принимали никогда отцы Церкви, чтобы нравственный характеръ души опредѣлялся тѣломъ, и тѣло было источникомъ зла.

в) Она подчиняетъ творческую волю Божию дѣйствию страстей человѣческихъ, иногда самому незаконному.

Впрочемъ и въ этомъ мнѣніи есть нѣчто истинное. Я, какъ недѣлимое, имѣю начало бытія; но я не могу быть обя-

занъ своимъ бытіемъ одной только подобной мнѣ твари самой по себѣ, а къ единому Творцу—Богу долженъ возводить причину моего происхожденія.

3) Гипотеза *переведенія души* (traducianismus). ерЕю полагается, что души всѣхъ и отдаленнѣйшихъ потомковъ, или какъ дѣйствительныя существа (entia), или какъ только возможныя (in potentia), содержались въ праотцѣ человѣческаго рода и потомъ переходятъ или переводятся преемственно отъ родителей къ дѣтямъ, когда образуется принадлежащее той или другой душѣ тѣло. Къ этому мнѣнію, однакожъ съ особеннымъ ограниченіемъ, склонялись большая часть восточныхъ отцевъ, именно: Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Аѳанасій Великій, Иринеи и другіе многіе богословы отъ Тертуліана до нашихъ временъ, многіе врачи и фізіологи.

Подтверженіемъ его служилъ опытъ, который показываетъ, что и тѣлесныя и душевныя свойства переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ. Участь этой гипотезы зависитъ отъ того, какъ она изъяснитъ происхожденіе души отъ душъ родителей. Именно можно предположить одинъ изъ трехъ слѣдующихъ способовъ. Или а) душа родителей отъ существа своего *удѣляетъ* новое начало жизни, которое потомъ раскрывается въ рожденномъ. Но это несовмѣстно съ простотою души. Или б) душа, имѣющая произойти, уже заключалась нѣкоторымъ духовнымъ сѣменемъ въ душѣ родителей, и изъ нея *развивается*. Но всякое воображеніе изнемогаетъ, представляя себѣ это безконечное завитіе однихъ душъ въ другія отъ нашего времени до первыхъ человѣковъ. Или наконецъ 3) души родителей имѣютъ способность просто производить вновь существо себѣ подобное. Но чтобы тварь, какъ тварь, могла производить другую тварь,—это противорѣчіе.

Впрочемъ иѣчто и изъ этой гипотезы допустить необходимо. Если родъ человѣческій долженъ имѣть между собою

связь, и опытъ свидѣтельствуесть о непосредственной связи дѣтей съ родителями, то что-нибудь въ душахъ нашихъ происходитъ и отъ родителей.

В.

Отцы Церкви тайну происхожденія души любили болѣе преходить благоговѣйнымъ молчаніемъ, нежели изъяснять. Не для того, чтобы разоблачить эту тайну, но чтобы устранить неправыя мнѣнія, привязываемыя къ неправильному взгляду на происхожденіе души, представляемъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія объ немъ.

1) Въ этомъ изъясненіи не должно раздѣлять строго душу отъ тѣла. Ибо тѣло оживляется душою, и душа между прочимъ есть жизнь тѣла. Обѣ происходятъ вмѣстѣ. Посему Григорій Нисскій прямо говоритъ, что душа и тѣло имѣютъ одно начало составленія, τὴν ἀρχὴν τῆς σφάραγος ¹⁾.

2) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это начало переходитъ отъ родителей,—какимъ бы образомъ это ни происходило,—и чрезъ нихъ отъ предковъ и т. д. до первыхъ человѣковъ. Съ симъ

¹⁾ *Animus quemadmodum ante corpus non existit, sic hominis initio sine animo corpus esse dici vere nequit. Unum est utriusque principium, quod secundum rationem quidem sublimiorem primo in voluntate Dei, tanquam fundamento, nititur, ratione autem altera in ortus nostri exordio ponendum est. Nimirum, sicut in tritice grano vel quovis alio semine lolam spicam vel frugum maturarum speciem potestate, sicuti loquimur, comprehensam dicimus, et postea naturali ordine tandem insita semini facultas ipsa appareat nulla in semen alia natura se extrinsecus velut insimante: sic etiam existimamus humano in semine, quomodo homo primum incipit oriri, facultatem naturalem contineri, simul cum ipso exercetam; hanc porro naturali quadam progressionis serie, ad perfectionem sui contendentem, paulatim se explicare ac perficere, non quod extrinsecus aliquid recipiat, cujus ope sui perfectionem adipiscatur, sed propria vi ad eam proficendo perverit. (См. Gregorii Nysseni opera omnia T. 1. De opific hominis c. XXIX).*

согласно говоритъ св. Григорій Богословъ: «Какъ тѣло, первоначально сотворенное въ насъ изъ персти, содѣлалось въ послѣдствіи потокомъ человѣческихъ тѣлъ, и отъ первозданнаго корня не прекращается, въ одномъ человѣкѣ заключая другихъ; такъ и душа, вдохнутая Богомъ, съ сего времени сопривходить въ образуемый составъ человѣка, рождается снова, изъ первоначальнаго сѣмени удѣляемая многимъ, и въ смертныхъ членахъ всегда сохраняя постоянный образъ» (См. Тв. св. отц. Гр. Бог., стихотв. Тайнств. Пѣсноп. Слово 7, о душѣ. Въ кн. 4 й, стр. 243). Въ этомъ отношеніи св. Григорій Нисскій говоритъ, что «сила Божія—всепровидящая съ начала *весь родъ* (челов.) объяла въ твореніи» (Тамъ-же).

3) Рожденіе, какъ самое слово показываетъ, есть средство къ сохраненію *рода* въ преемствѣ недѣлимыхъ. Слѣдовательно родовое начало или родотворящая сила есть собственное основаніе происхожденія недѣлимыхъ. Именно, жизнь имѣетъ два направленія образовательной дѣятельности: однимъ она сохраняетъ себя въ *недѣлимомъ* чрезъ перемѣну вещества; другимъ сохраняетъ себя въ *родѣ* чрезъ перемѣну недѣлимыхъ. Сперва жизнь занимается еще образованіемъ недѣлимаго, и тогда родотворящая ея сила бываетъ связанною и скрытою. Но какъ скоро образованіе *недѣлимаго* довершено, она заботится о сохраненіи рода, и двѣлетъ полнъ къ союзу, и во взаимномъ ихъ дѣйствіи, въ самомъ, такъ сказать, уничтоженіи недѣлимыхъ, она возвышается надъ собою, выходитъ за предѣлы недѣлимаго, и раскрываетъ *родотворящую* силу. Здѣсь происходитъ новая жизнь! Нельзя лучше выразить способъ проявленія этой силы, какъ тѣмъ подобіемъ, какимъ разъясняетъ его св. Афанасій: «sicut lapide ac ferro contusis et contritis ex utrisque nascitur ignis: ita ex utriusque, et viri et mulieris, complexu, Deo iubente, corpus et anima constituuntur. Respon. ad quaest. Antiochi XVI»

4) Но что такое есть это родовое начало въ существѣ своемъ? Поелику *родъ* (*genus*) есть умственное понятіе, отвлеченное, всеобщее, неисчерпаемое: то и сила, осуществляющая это понятіе въ мірѣ явленій, есть нѣчто духовное, всеобщее, неистощимое, словомъ безконечное; слѣдовательно это есть не иное что, какъ сила Божія, влияющая въ естество тварей. Именно,—это есть сила благословенія Божія: *раститесь и множитесь* и проч. «Представь, говоритъ Василій Великій, глаголь Божій, протекающій всю тварь, нѣкогда начавшійся, донныи дѣйственный и готовый дѣйствовать до конца, пока не скончается міръ. Какъ шаръ, приведенный къъ-нибудь въ движеніе и встрѣтившій покатость, и по своему устройству по удобству мѣста катится къ низу, и не прежде останавливается, развѣ когда приметъ его на себя плоскость: такъ и природа существъ, подвигнутая однимъ повелѣніемъ, равномерно проходить и рождающуюся и разрушающуюся тварь, сохраняя послѣдовательность родовъ, посредствомъ уподобленія, пока не достигнетъ самаго конца; ибо коня дѣлаеть она преемникомъ коню, льва—льву, орла—орлу, и каждое животное, сохраняемое въ слѣдующихъ одно за другимъ преемствахъ, продолжаетъ до окончанія вселенной».

5) Итакъ въ рожденіи живыхъ существъ дѣйствуетъ сила Божія. Богъ, хотя даровалъ ее тварямъ, однако не можетъ отказать отъ ней, а и признаеть ее своею. Почему рождающее по отношенію къ Богу есть *твореніе* Божіе. Почему Августинъ говоритъ: «какъ бы не происходила душа, все же она есть твореніе Божіе». «*Anima unde unde sit, est a Deo*». *Opus. Aug. I. pag. tom. 221. Venet 1729.* Но съ другой стороны сила Божія родотворяющая усвоена существу тварей. Посему душа происходящая, по отношенію къ родителямъ, есть ихъ *рожденіе*, а не твореніе; ибо, замѣчаетъ св. Василій Великій, твореніе не въѣ существа творящаго есть, рожденіе

же изъ существа рождающаго есть (см. тв. св. Вас. Вел. Москва, 1790 г. ч. I. Слово противъ Евном. листъ 26-й). Посему и Тертуллианъ, хотя впрочемъ нѣсколько матеріально, происхождение души изображаетъ какъ истинное *рожденіе*: *exit semen animale ex destillatione animi* (Lib. de anima с. 13). Но—

6) Родотворящая сила есть по существу духовная,—посему изъ представленія происхожденія душъ должно удалять всякіе матеріальные образы. Рожденіе вообще есть невещественное происшествіе, на всѣхъ степеняхъ бытія: отъ смертнаго рождается смертное, отъ бессмертнаго бессмертное и отъ Вѣчнаго Вѣчное, но все духовнымъ образомъ. Посему св. Ириней (сонтр хаегес I. II с. LXIV. Сонт. I. V. сар. 8) и св. Іустинъ мученикъ (Ореча Paris 1636. р. 205—207), называя душу рожденною—*generabilis γεννητός*, тѣмъ не менѣе однако признають ее безтѣлесною и нетлѣнною *ἀσώματος καὶ ἄθαρτος, incorrupta et incorruptibilis*.

7) Родотворящая Божія сила есть всеобщаго качества; но, нисходя въ міръ явленій, она а) производитъ только недѣлимыя въ человѣчествѣ—души, наши я. Посему-то, что въ насъ есть выше нашего я, то не рождается, а приходитъ отъ вѣ, отъ Бога. Посему Антоній Великій, составляя челоуѣка изъ тѣла, души и ума (*πνεύμα*), говоритъ: (Добротолубіе, часть I-я Антон. Велик. увѣщанія, 93, 94, 98, 126, 131, 136) «душа въ мірѣ есть, яко *рожденная*; умъ же превъше міра, яко *нерожденный*». При томъ б) открываясь чрезъ взаимодѣйствіе родителей, она и въ образѣ проявленія своего опредѣляется ихъ природою и ея состояніемъ. Посему-то въ физическихъ и духовныхъ чертахъ дѣти носятъ образъ родителей. А потому и православная наша церковь исповѣдуетъ: «поелику въ состояніи невинности всѣ люди были въ Адамѣ; то, какъ скоро онъ согрѣшилъ, согрѣшили въ немъ всѣ, и впади въ состояніе грѣховное» (Прав. испов. вѣры, ѳ. 24).

Вышеприведенное изъясненіе соглашаетъ въ себѣ все три гипотезы, принимая въ себя лучшее изъ нихъ, и устраняя ихъ крайности. Душа, какъ недѣлимое, какъ это я, существо измѣняющееся, происходитъ вмѣстѣ съ тѣломъ отъ родителей, до происхожденія своего пребываетъ въ состояніи возможности въ ихъ естествѣ, именно въ родотворящей силѣ, имъ усвоенной, и чрезъ нихъ и отъ нихъ приходитъ въ дѣйствительное бытіе. Вотъ *traducianismus!*

Но дабы это и могло быть настоящею, разумно-свободною, богоподобною душою, для сего должно привзойти въ него нѣчто высшее его, что одушевляло бы его стремленіемъ къ Божественному, давало душѣ жизнь духовную, и возвышало ее надъ всемімъ случайнымъ и преходящимъ. Это есть духъ богоподобный. Онъ не рождается отъ родителей, и вообще не происходитъ, а вливается отъ Бога въ душу по ея происхожденію. Одушевленная имъ, душа возвышается изъ царства времени въ вѣчность, и по нѣкоторому самообольщенію усволяетъ себѣ его качества, почитаетъ себя — самое старѣйшее своего начала, какъ бы совѣчною Богу. Вотъ *praesexistentialismus!*—

Между тѣмъ происходящая душа есть новое существо, которое изъ состоянія чистой возможности переходить въ дѣйствительное бытіе; основаніе его заключается хотя въ родителяхъ, но у нихъ въ томъ, что въ нихъ есть выше ихъ самихъ, въ безконечной силѣ Божіей, въ нихъ вліянной; дѣйствіе же этой силы всегда открывается подъ вліяніемъ свободной воли Божіей, возвышенной надъ всеміи отношеніями времени. Переведеніе существа изъ состоянія чистой возможности въ состояніе дѣйствительнаго бытія свободною волею Божіею есть твореніе. Вотъ *creationalismus!*

Изрѣченія священнаго Писанія касательно происхожденія душъ, по разсмотрѣнію бл. Августина, не благоприятствуютъ нарочито ни одной изъ трехъ гипотезъ, и могутъ быть равно

приспособляемы къ каждой. Это значитъ, что въ каждой гипотезѣ есть часть истины, которая и имѣетъ въ пользу свою слово въ Писаніи. Соглашая всё три гипотезы, наше изъясненіе поэтому самому должно дать свой вѣсъ всёмъ разнороднымъ свидѣтельствамъ слова Божія о нашемъ предметѣ. Именно:

1) Во многихъ мѣстахъ св. Писанія говорится, что духъ (ruach) и дыханіе (neschamah) даются людямъ отъ Бога (Исаи XLII. 5, см. Еккл. XII. 7), *созидаются* formantur въ нихъ (Зах. XII, 1) и *даже творятся* potant Евр. asa (Исаи LVII. 16). Сія мѣста выражаютъ всё ту мысль нашей теоріи, что души одолжены бытіемъ своимъ силѣ Божіей (хотя сообщенной естеству родителей), пребываютъ въ ней до начала своего бытія въ состояніи чистой возможности, и производятся подъ вліяніемъ свободнаго благоизволенія Божія. Вотъ креацианнизмъ св. Писанія!

2) Выше сказано, что оная творческая сила Божія, бывъ усвоена естеству рождающихъ, находится отчасти и въ свободномъ ихъ распоряженіи, и чрезъ нихъ открываясь изъ міра невидимаго въ чувственный, отъ нихъ получаетъ тотъ или другой образъ своего проявленія. Отсюда то происходитъ физическое и духовное единство всего человѣческаго рода, и частныхъ его племенъ и поколѣній, по которому родоначальники тѣломъ и душою какъ бы раскрываются въ своихъ потомкахъ, и потомки тѣломъ и душою какъ бы предсуществуютъ въ своихъ родоначальникахъ (См. о семъ митр. Филар. моск. бесѣду о благословенномъ рожденіи дѣтей, томъ 3-й стр. 374). Такъ (Рим. V. 12) *единнымъ человекомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть..... во вся челоуки* (см. Быт. V. 3; пс. I, 7); такъ благословіе и проклятіе родителями своихъ дѣтей, напримѣръ (Быт. IX. 25—29) Симы и Хама, падаетъ на потомковъ, безъ сомнѣнія, не незаслуженно для послѣднихъ; (Быт. XLVI, 26. см. Евр. VII, 9. 10); души полагаются въ

чреслахъ своихъ праотцевъ, и Левій въ Авраамѣ приноситъ десятину Мелхиседеку (Рим. IX. 8); сѣмя Авраамово и (Исаіи XLIII. 5, XLIV. 3, LIV. 3) сѣмя Іаковлево принимаются за потомство не въ плотскомъ только, но паче въ духовномъ отношеніи, — и напротивъ есть *сѣмя лукавое, сыны беззаконія!* (См. Прем. III. 16, Сир. XII. 9, Ис. LIII. 4, LVII. 3). Вотъ традиціанизмъ св. Писанія!

3) Происходящая душа человѣческая не можетъ существовать безъ соотношенія съ вѣчнымъ Богомъ, и оно началось для души прежде ея происхожденія. Изъ вѣчности Богъ предвидѣлъ, предопредѣлилъ и предуготовилъ меня. Безъ этого Божескаго вниманія ко мнѣ я не могъ бы ни произойти, ни существовать, ни достигнуть моего конца. Почему, хотя эта часть промыслительной любви Божіей, дарованной мнѣ въ духѣ, стала моею во времени, по происхожденіи моемъ; но я для ней и въ ней былъ искони. Сію мысль выражаютъ тѣ мѣста св. Писанія, въ которыхъ существованіе человѣка возводится задолго до его происхожденія на свѣтъ. Такъ *Давидовы* дни были написаны когда еще ни одного изъ нихъ не было (Пс. CXXXIII. 16); *Соломонъ*, въ предвѣденіи Божіемъ, благій отрокъ, вошелъ въ непорочное тѣло (Прем. VIII. 19); *Іеремія* избранъ и освященъ въ пророка прежде, нежели онъ образовался во чревѣ матернемъ (Іерем. I, 4. 5); *Іоаннъ Предтеча*, какъ ангелъ, посылается задолго прежде своего рожденія (Малах. III. 1) и т. под. Вотъ преэзистенціанизмъ св. Писанія.

Православное исповѣданіе Петра Могилы утверждаетъ твореніе душъ. Самъ оно выражаетъ самое средоточіе нашей теоріи, именно смыслъ перваго пункта.

Кратко: *Душа человѣческая происходитъ отъ родителей, дѣйствіемъ усвоенной ихъ естеству творческой силы, по предопредѣленію Божію промысла.* Впрочемъ и въ этомъ изъясненіи, очевидно, самый образъ происхожденія

души остается тайною Божества, а безъ того изъясненіе это не разрѣшаетъ своей задачи. Прчему сознаемся въ слабости своего разумѣнія и возвратимся къ благоговѣйному молчанію о семъ предметѣ съ отцами Церкви. «Вотъ старъ уже я, говорилъ блаженный Августинъ, а и теперь также не понимаю тайны происхожденія души, какъ не принималъ и въ юности.»

II. С м е р т ь .

Смерть есть величайшее изъ всѣхъ бѣдствій, какія только постигаютъ несчастный родъ человѣчскій; она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ дѣлѣ болѣзни, потери и униженія, какія въ теченіи жизни поражаютъ душу и тѣло порознь: самый неустрашимый духъ встрѣчаетъ ее всегда съ трепетомъ. Между тѣмъ это явленіе, поражающее насъ, доселѣ еще не изъяснено настоящимъ образомъ. Науки естественныя, по свойству своему, только изображаютъ ходъ смерти, не вдаваясь въ философское изслѣдованіе самой ея возможности; философія, болѣе настроиваемая познаніемъ дѣйствительнаго порядка вещей и всего высшаго, совершеннѣйшаго бытія, находитъ понятіе о смерти столь неразлучнымъ со всѣми прочими понятіями, что не умѣетъ иначе судить о ней, какъ представляя ее необходимымъ зрѣніемъ органическаго существа. Откровеніе возвысило разумъ къ познанію высшаго идеальнаго порядка бытія; но, какъ будто влѣкомый нѣкоторою тяжестью, онъ всегда почти ниспадалъ съ этой высоты на обыкновенный образъ представленій. Только поэзія, не удовлетворяясь настоящимъ порядкомъ вещей, возносила къ представленію совершеннѣйшаго бытія и иногда съ любовію останавливалась на идеѣ безсмертія.

Съ другой стороны, успѣхи естествознанія и философіи, въ настоящее время, уже такъ далеки, что даютъ разуму сред-

ство—болѣе приблизить и лучше усвоить себѣ ученіе Божественнаго откровенія о смерти; и немногіе умы, одушевляемые благочестивою любознательностію, обратили уже эти пособія на изясненіе такого важнаго предмета. Постараемся и мы, пользуясь ихъ идеями, приблизить сколько нибудь къ своему понятію это высокое и утѣшительное ученіе. Съ сею цѣлію рассмотримъ: I) происхожденіе смерти, II) самый процессъ смерти и III) состояніе души за гробомъ.

I. Происхожденіе смерти.

Какъ ни естественна человѣку смерть, при настоящемъ устройствѣ природы; однако онъ можетъ съ достовѣрностію гадать, что она есть нѣкоторое чуждое истинному существу вещей, пришлое зло,—что человѣкъ и долженъ быть и былъ нѣкогда безсмертенъ, не только по душѣ, но и по тѣлу. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ 1) отчасти самый разумъ, 2) взглядъ на тѣло человѣческое и 3) темный нѣкоторый, по всѣмъ царствомъ природы слышимый, отголосокъ первоначальнаго, лучшаго порядка вещей.

1) Разумъ явленіе смерти находитъ несовмѣстнымъ съ самими лучшими и главными идеями. Богъ, какъ чистая жизнь, не могъ быть источникомъ, или творцемъ смерти. Цѣль творенія міра есть откровеніе славы Божіей и блаженство тварей; слѣд. непрестанное общеніе и, такъ сказать, кругообращеніе жизни между Творцемъ и тварію, которое, само собою, исключаетъ смерть. Смерть могла быть только слѣдствіемъ, или лучше—явленіемъ расторгеннаго союза между Творцемъ и тварію, союза, который однако предполагается самимъ ихъ понятіемъ. Но крайней мѣрѣ, человѣкъ, какъ существо, по самому понятію своему,

единенное съ Богомъ, какъ причастникъ жизни Божьей, дол-
женъ быть изъятъ изъ закона смерти ¹⁾: 2) Наше тѣло, нынѣ столь слабое и брѣнное, и теперь
еще отражаетъ на себѣ слѣды своего прежняго безсмертія.
Ибо органы его такъ крѣпки, такъ связано сложены и такъ со-
гласны въ отправленіяхъ, что и теперь еще оно, при благо-
приятныхъ условіяхъ, можетъ, и, по признанію физиологовъ ²⁾,
должно бы существовать не 70 лѣтъ, а пѣльше вѣка и болѣе.
Причина столь ранняго его разрушенія заключается обыкно-
венно не въ немъ самомъ, а въ условіяхъ, во внѣшнихъ отно-
шеніяхъ организма къ предкамъ, къ душѣ, къ міру внѣшнему;—
и такъ, устранимъ эти неблагопріятныя отношенія, поставимъ
на мѣсто ихъ въ тѣлѣ противоположныя имъ совершенства—и
тогда жизнь тѣла продлится, можетъ быть, на вѣсколько вѣ-
ковъ,—сравнится съ жизнію патриарховъ. Но въ самомъ орга-
низмѣ, какъ увидимъ ниже, есть еще внутреннее несогласіе,
неравновѣсіе двухъ его главныхъ частей, которое теперь не-
отъемлемо принадлежитъ ему, но не необходимо предполагается
его понятіемъ. Устранимъ и его,—и мы получимъ, можетъ быть,
и безсмертіе; слѣдоват., не только ранняя смерть, но и вообще
смерть есть, можетъ быть, слѣдствіе разстройства внѣшнихъ
и внутреннихъ отношеній нашего организма.

¹⁾ Напр. мудрствуетъ Гегель, что «смерть есть необходимый удѣлъ чело-
вѣка, какъ недѣльнаго потому, что онъ не выщастъ въ себѣ рода и долженъ
прейтъ, дабы дать мѣсто дальнѣйшему его раскрытію». Это можно сказать развѣ
о животныхъ и растеніяхъ, въ которыхъ родъ есть существенное, потому что они
не сознаютъ себя. Но человѣкъ есть существо самосознательное,—въ немъ имен-
но индивидуальное возвышено на степень всеобщаго; его индивидуальность есть
его собственное понятіе, существенное назначеніе ея въ природѣ; почему раскры-
тіе его, какъ рода, не должно необходимо сопровождаться уничтоженіемъ его,
какъ недѣльнаго. Не усвоенъ ли мы чловѣку безсмертія по душѣ? и есть ли,
потому, смерть противурѣчіе въ безсмертномъ существѣ чловѣка?

²⁾ Ленганск. Человѣкъ по законамъ природы долженъ бы жить 8 вѣвъ
болѣе того, сколько достигъ онъ до старости. Если бы онъ жилъ 8 вѣвъ

3) Та печаль объ утратѣ какого-то блаженства проходить по всему царству бытія и, невнятная въ низшей области творенія, съ каждою степенью выше становится вразумительнѣе и наконецъ въ свѣд. преданіи получаетъ свое настоящее истолкованіе. Уныло воютъ вѣтры, рожучуть воды морей; растенія, всюю жизнію своею, выражаютъ жажду жизни и свѣта и въ этой жадѣ истощаются, умираютъ; животныя оглашаютъ воздухъ—то жалобными пѣснями, то криками ярости; народы передаютъ другъ другу повѣсть о золотомъ вѣкѣ, о какомъ-то преступленіи, о вторженіи зла и наконецъ свѣд. Бытописаніе ясно говоритъ, что человекъ былъ блаженъ и безсмертенъ, но потерялъ и то и другое преступленіемъ заповѣди Божіей.

Какъ ни сродна смерть нашему тѣлу, физиологія находится въ затрудненіи, когда ей надобно отвѣчать на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, физическимъ образомъ изъ отношенія нашего къ видимой природѣ нельзя изъяснить происхожденія смерти. По тремъ составнымъ началамъ тѣлесной жизни: органическому—вещественному, жизненному и внѣшнимъ возбужденіямъ,—три причины приводятъ физиологію въ изъясненіе смерти. Она находитъ начало ея либо а) въ разрушеніи тѣла, либо б) въ истощаніи жизненнаго начала, либо в) въ лишеніи жизненныхъ возбужденій. Но ни въ одной изъ этихъ причинъ не содержится необходимо начало смерти.

а) *Въ разрушеніи тѣла.* Говорятъ: «частію органы жизненныхъ отправленій истираются отъ долговременнаго употребленія, частію кровеносные каналы накаплиются множествомъ земляныхъ частицъ, замедляютъ и потомъ останавливаютъ кровообращеніе, частію—наконецъ—ядовитыя вещества, входя въ тѣло наше съ пищею, химически разлагаютъ составъ его». Но тѣло видется и сохраняется органическою силою жизни изъ внѣшнихъ стихій; слѣд. доколѣ есть внѣшнія стихіи,—ему нѣтъ при-

чины разрушаться. Отъ чего это начало жизни не имѣетъ силы сохранить органы, предотвратить накопленіе твердыхъ частицъ, ослабить силу ядовъ во вторую половину жизни, такъ какъ оно дѣлаетъ это въ первую? Тѣ, которые говорятъ, что дѣйствіе его ослабляется превосмогающимъ вліяніемъ этихъ частицъ и этихъ ядовъ, развѣ не знаютъ, что въ теченіи семи лѣтъ перемѣняются всѣ стихіи тѣла до послѣдней частицы? Отъ чего же этихъ частицъ или ядовъ въ одно семилѣтіе накаплиется менѣе, въ другое—болѣе и болѣе, именно въ позднѣйшіе годы, когда человекъ сравнительно, принимаетъ меньшее количество пищи?! Явно, что причины смерти должно искать индѣ.

б) *Въ ослабленіи и потомъ прекращеніи вливающихъ жизненныхъ отравленій.* «На извѣстной степени развитія организма, силы природы не въ состояніи бываютъ дѣйствовать на него благоприятно; почему, лишаясь постепенно ихъ вліянія, онъ ослабѣваетъ мало-по-малу въ жизненной энергіи и умираетъ». Слѣд. причины—почему жизненные возбужденія перестаютъ дѣйствовать на организмъ благоприятно, заключаются не въ силахъ первыхъ причинъ! Силы природы всегда одинаковы и всегда готовы поддерживать своимъ вліяніемъ пламень жизни, какъ только есть горючее вещество и сожгающій огонь.

в) *Въ истощаніи органическаго начала жизни.* «Органическое начало жизни, по самому свойству развитія, стремится постоянно выдти изъ себя, раздробиться, слѣд. уничтожиться. Достигая извѣстной мѣры своего развитія (напр. въ человекѣ), раздробляется оно на нѣсколько новыхъ зародышей и въ этомъ раздробленіи теряется и истощается само. Слѣдов. сколько необходимо жизненному началу развиваться, столько же необходимо ему уничтожиться самому. Слѣдствіемъ этого истощанія начала жизни и есть смерть ведлимаго». Но если

жизнь человека истощается, то она есть что нибудь стихійное; а для того, чтобы располагать стихіями тѣла и создавать изъ мертвыхъ матерій храмъ духу, начало жизненное само должно быть выше матеріи;—если такъ, то ему свойственно только раздѣляться, но не раздробляясь, размножаться, но не истощаясь. Посему, если жизнь современемъ погасаетъ въ человѣческомъ тѣлѣ: то, надобно думать, не потому, чтобы она истощилась, а потому, что душа обращается отъ тѣла (будучи уже ненужною для него) къ другимъ занятіямъ и предметамъ,—почему тѣло и дѣлается жертвою разрушительныхъ стихій и силъ внѣшней природы.

Итакъ, если въ тѣлѣ искать начала смерти, то смерть есть неизяснимое явленіе; можно сказать, все человѣчество умираетъ не зная—отъ чего и какъ? Физиологія не изясняетъ причинъ смерти.

Съ другой стороны, если необходимость смерти для насъ непонятна, то надобно сознаться, что порядокъ природы, не исключая изъ нея смерти; для насъ еще непонятнѣе.—Если бы люди были бессмертны, то 1) согласно Божескому благословенію: *раститесь и множитесь*, всѣ они должны были бы размножиться, а въ такомъ случаѣ, какъ могли бы совмѣщаться и жить на маломъ пространствѣ, столь небогатой силами земля? 2) Невинность и бессмертіе человѣческаго рода предполагаютъ изгнаніе всякаго злонравія и тлѣнія и изъ царства неразумной твари (Рим. 8, 19—22); но въ чемъ тогда состояла бы жизнь этой твари, какъ нынѣ она есть не что иное, какъ движеніе къ смерти? 3) Если настоящій порядокъ вещей такъ открываетъ въ себѣ совершенства Божія: могущество, правду, любовь,—то какъ открывалась бы слава Божія при другомъ порядкѣ вещей?

Что было бы съ тварію, если бы, въ слѣдъ за падшимъ человекомъ, она не покорилась суетѣ и истлѣнію,—это, какъ

и болѣею частію другія условныя истины, отъ насъ сокрыты. По крайней мѣрѣ, руководствуясь свидѣтельствомъ откровенія, разумъ можетъ отвѣчать на эти вопросы слѣдующими предположеніями:

1) Размноженіе человѣческаго рода, по Божественному предназначенію, могло и должно было происходить своимъ порядкомъ, потому что идея человѣка требуетъ развитія. Но направляясь не похотію плотскою, которая есть дочь и мать грѣха, — а духовною ревностію къ славіи Божіей (какъ напр. въ Авраамѣ, Моисеѣ, Захаріи и Елисаветѣ), оно могло бы имѣть свои предѣлы, согласныя съ порядкомъ вещей и именно простираться дотолѣ, доколѣ раскрывалась бы идея. Между тѣмъ, живя болѣе духовною жизнью, нежели чувственною, человѣкъ долженъ былъ постепенно одухотворять въ себѣ свое тѣлесное естество и освобождать себя отъ условій настоящаго, вещественнаго образа жизни. И теперь, при настоящемъ порядкѣ вещей, св. исторія представляетъ намъ на то примѣры во всѣ періоды Церкви: патріархальной — въ Енохѣ, подзаконной — въ пр. Иліи и въ новозавѣтной — въ Самомъ Богочеловѣкѣ. Особливо Богочеловѣкъ, какъ новый Адамъ, въ различныхъ моментахъ своей жизни, какъ то: въ сорокадневномъ постѣ, хожденіи по водамъ, преображеніи, воскресеніи, — показалъ намъ какъ бы ступени лѣстницы, по коимъ первый Адамъ могъ и долженъ былъ возводить свое тѣло отъ чувственной жизни къ духовной.

2) И царство неразумныхъ тварей также могло и должно было размножиться, но тоже — до извѣстныхъ предѣловъ, или дотолѣ, пока исполнилось бы ихъ надлежащее число, — до предѣловъ, требуемыхъ назначеніемъ въ дѣломъ порядкѣ бытія. Такому назначенію расширенія и развитія неразумнаго царства, смерть была бы противорѣчающимъ явленіемъ. Тѣ, которые не могутъ представить въ низшей природѣ другой жизни,

кромѣ настоящей, тлѣнной, обличаютъ этимъ только ограниченность своего воззрѣнія. По мѣрѣ того, какъ каждый чело-вѣкъ въ то время одухотворялъ бы въ себѣ животную, растительную природу, — и весь человѣческій родъ могъ бы постепенно облагороживать и уточнять животное — растительное царство, препровождавъ въ него, чрезъ себя, жизнь, сходящую свыше; подобно какъ и въ будущей жизни рѣка животная (Апок. 22, 1), исходяща отъ престола Агнца протекаетъ по всѣмъ тварямъ и напаяетъ древо животное въ насыщеніе и исцѣленіе языковъ. И нынѣ неразумная природа обнаруживаетъ жажду высшаго, истиннаго бытія: растенія стремятся къ свѣту, животныя — къ человѣческому сообществу; тѣ и другія, въ премствѣ родовъ, какъ бы силятся породить какое-то лучшее, соответствующее Божественному назначенію, бытіе, котораго они такъ жаждутъ.

3) Само собою разумѣется, что при такомъ совершеннѣйшемъ порядкѣ бытія гораздо полнѣе, и даже тогда только во всемъ блескѣ, могла бы открыться слава Божія. Нынѣ, сквозь грубость матеріи, сквозь болѣзни, злокачественныя свойства и смерть, — она проявляется, какъ солнце сквозь тучу. Почему искони разумъ видимое несовершенство тварей обращалъ во свидѣтельство противъ происхожденія міра отъ Бога и Божественнаго о немъ промысла. Но какъ бы то ни было, на всѣ возраженія противъ возможности безсмертія въ первобытномъ порядкѣ природы, всего приличнѣе отвѣчать, что такой порядокъ дѣйствительно для всей природы наступить, по скончаніи времени, какъ видѣлъ его самымъ дѣломъ св. Іоаннъ Богословъ въ откровеніи; а что будетъ дѣйствительно, то могло быть...

Итакъ, смерть не могла правильно заключаться въ предопредѣленіи и въ естествѣ твара. Всѣ причины, которыми думаютъ объяснять ея происхожденіе, не изясняютъ ее. Воз-

можно совершеннѣйшее устройство природы, при которомъ твари не испытывала бы разрушенія, а только преобразование своего существа. И однакожь смерть, отъ начала до конца времени, не престаётъ и не престанетъ, какъ класы, поживать всѣ роды тварей и увлекать ихъ въ вѣчность. Спрашивается: «что сіе есть, еже о насъ таинство? Како предахомся тѣлнѹ, како сопрягохомся смерти?»!

А) Жизнь тѣла заключается собственно въ душѣ; ибо, такъ называемое начало жизни, зиждущее и сохраняющее тѣло, есть не иное что, какъ сила души, только занятая вещественною работою и потому бессознательная. Поэтому, искать причины смерти въ жизненномъ началѣ—значить искать ее въ душѣ.

Опытъ показываетъ, что если какія либо противоположности въ природѣ связаны между собою взаимнымъ союзомъ; то этотъ союзъ тогда только бываетъ плодотворенъ, когда онѣ находятся въ надлежащемъ равновѣсіи. Если же одна изъ нихъ постоянно беретъ перевѣсъ надъ другою,—то онѣ мало-по-малу теряютъ равновѣсіе, а чрезъ то—и способность производить, давать жизнь.

Наша душа, такъ сказать, раздѣлена въ нашемъ естествѣ такъ, что одна половина ея силъ занята работою матеріальнаго образованія и сохраненія тѣла и потому погружена въ бессознательное состояніе; а другая обращена на духовное образованіе и потому подлежитъ сознанию. Поелику же и матеріальная и духовная дѣятельность есть дѣятельность одной и той же души; то неизбежно, что когда одна часть имѣетъ много занятія, она отвлекаетъ, для своей работы, значительную часть силъ отъ другой части и тѣмъ ослабляетъ дѣятельность послѣдней. Такъ въ болѣзни, или при обремененіи желудка пищею, душа неспособна къ духовнымъ занятіямъ по-

тому что обращаетъ почти всё силы на матеріальную работу;— или на исправленіе поврежденія, или на пищевареніе. И наоборотъ, когда душа обуреваются сильными страстями, сѣдается заботами, томится напряженіемъ силъ духовныхъ;—тогда на эту усиленную дѣятельность отвлекаетъ она значительную часть силъ отъ матеріальной работы строенія тѣла,—отъ чего ходъ послѣдней ослабѣваетъ и разстроивается, и тѣло предается опасности разрушенія... Такъ, мы очень хорошо по опыту знаемъ, что тоскующая любовь, заботы, недовольство жизнью, постепенно, а иногда и скоро, сѣдаютъ, истощаютъ, прежде времени разрушаютъ наше тѣло; а иногда одно воспламененіе какой либо сильной страсти въ одно мгновеніе производить это дѣло разрушенія,—вдругъ убиваетъ тѣлесную жизнь. Это бываетъ отъ того, что при такомъ воспламененіи душа всѣми естествомъ своимъ, всецѣло обнимается предметомъ страсти, напр. радости, гнѣва, ужаса и т. п., такъ что вся и тѣлообразовательная часть души отвлекается отъ тѣла на представленіе этого предмета.

Дабы различныя пожеланія душевныя, своею превосмогающею силою, не отвлекали жизни отъ тѣла и не убивали его, для сего конечно надобно, чтобы разумъ, какъ царь и возница, укрощалъ мятежные порывы бурнаго пламени. Господство разума надъ пожеланіями даетъ именно жизнь тѣлу не только отрицательно—черезъ обузданіе разрушительныхъ страстей, но и положительно,—ибо пребывая разумомъ въ головѣ, душа черезъ нервы по всѣмъ членамъ простираетъ свое благотворное вліяніе: поддерживаетъ ходъ жизненныхъ отправленій, сохраняетъ въ нихъ приемъ и мѣру. Напротивъ, перевѣсъ пожеланій надъ разумомъ приноситъ смерть тѣлу не только отрицательно—черезъ сверженіе животворной власти разума, но и положительно,—ибо пребывая во чревѣ, они движеніемъ своимъ возмущаютъ ходъ растительныхъ отправленій, волнуютъ и охлажда-

даютъ кровь, усиливаютъ или останавливаютъ бѣженіе сердца, ускоряютъ или замедляютъ дыханіе, разстраиваютъ пищевареніе.

Между тѣмъ, наблюдая человѣка въ теченіи его жизни, мы находимъ, что пожелательная часть его съ каждымъ возрастомъ непрерывно усиливается и укрѣпляется. Въ дѣтствѣ душа питаетъ еще самыя тихія пожеланія: видѣть и слышать, замѣчать и узнавать; въ юности она развлекается уже сильнѣйшими пожеланіями: щепеть воздуха и движенія, дѣятельности и общества, красоты и удовольствія; въ мужествѣ волнуется еще могущественнѣйшими желаніями: въ ученыхъ—жаждой познаній, гордостію, честолюбіемъ, въ другихъ—недовольствомъ жизнію земною, праведнымъ негодованіемъ противъ зла, жаждой лучшаго порядка вещей и т. п.

Возрастая такимъ образомъ постепенно въ силѣ, пожелательная часть души въ дѣтствѣ слабѣе бываетъ животворной, разумной части, почему жизнь не столько истощается, сколько развивается; въ юности обѣ части приходятъ въ равновѣсіе между собою, почему въ этомъ возрастѣ только довершается образованіе тѣлеснаго организма. Но въ мужествѣ сила пожеланій беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ разумною и съ сими выѣстѣ тѣло перестаетъ расти; за тѣмъ, приобрѣтая самое бурное и непреодолимое могущество, она истощаетъ нервы, отвлекаетъ жизнь отъ ея средоточія—мозга и увлекаетъ за собою,—тогда тѣло увядаетъ, дряхлѣетъ, умираетъ.

Итакъ, несоразмѣрно съ каждымъ періодомъ нашей жизни, возрастающая сила душевныхъ пожеланій надъ разумною и сознательною частію души отвлекаетъ душу отъ ея тѣлесной работы и вноситъ въ нее разстройство. Вотъ наша коренная болѣзнь, настоящая причина нашей смерти! Откуда же изнуряющая сила пожеланій взяла столь неестественный и разрушительный перевѣсъ надъ союзною ей животворною силой

разума? Это гибельное могущество силы желательной человекъ приносить съ собою въ жизнь съ самымъ рожденіемъ; слѣд. начала его должно искать далеко впередъ—въ прародителяхъ.

Б) Чтобы уразумѣть какой смыслъ имѣеть это произвольное саморасторженіе души изъ союза съ тѣломъ, надобно прежде опредѣлить: что такое для души тѣло и жизнь тѣлесная? «Тѣло, говорятъ одинъ глубокомысленный богословъ (Эттингеръ) есть начало и конецъ путей промысла Божія въ отношеніи къ человекъ». Тѣломъ опредѣляется душѣ образъ ея существованія на землѣ ¹⁾; тѣломъ опредѣляется отношеніе души къ внѣшнему міру ²⁾; тѣломъ наконецъ опредѣляется наше отношеніе къ Богу ³⁾. Слѣд. господство разумной части души надъ пожелательною есть жизнь для тѣла, какъ вѣрность души своему супружескому союзу съ нимъ,—есть вмѣстѣ пребываніе души въ указанномъ ей порядкѣ бытія, покорность промыслу Божію, повиновеніе волѣ Его, *паче всякой жертвы Ему благоудное* ⁴⁾. Напротивъ, преобладаніе пожелательной части души надъ разумною, какъ смерть для тѣла, какъ самопроизвольное разрушеніе союза съ нимъ, есть вмѣстѣ исторженіе души изъ указаннаго ей порядка бытія, возмущеніе противъ промысла Божія, преслушаніе воли Божіей и—здѣсь-то начало смерти!

¹⁾ Такъ, а не иначе существуетъ душа—мыслить, дѣйствуетъ отъ того, что она имѣетъ такую плоть, такіе нервы и чувства, такіа мшцы.

²⁾ Оттого мы удивляемся красотѣ и совершенству видимаго міра; оттого между собою связываемся такими, а не другими узами общезнатія; оттого земля служитъ поприщемъ нашей дѣятельности и снженія, что тѣло наше имѣетъ такое, а не другое устройство и органы.

³⁾ Ибо хотя Сердцеѣдець видитъ всѣ современнѣйшія движенія нашей души, но для того, чтобы наше доброе и худое расположеніе сердца приобрѣтало намъ вѣчныя награды или наказанія, надобно, чтобы оно открылось въ тѣлесныхъ движеніяхъ, чтобы, такъ сказать, отѣлесилось, приняло вещественный видъ.

⁴⁾ *Жертвы и всесожеженія не возстоють еси, тѣло же мнѣ свершиша еси! съ идоу сотвориши волю Твою Божие!* (Псал. 39, 7. 8).

Богъ есть единый источникъ жизни для всякой твари, а особливо для человѣка. Человѣкъ не могъ жить безсмертною жизнью, не почерпая ея изъ приснотекущаго источника; но почерпать не могъ, не погружая себя, подобно сосуду, смиреннымъ послушаніемъ и любовію въ волю Божію. Почему, повиновеніе волѣ Божіей бываетъ вмѣстѣ воспріятіе въ себя жизни Божественной, самая жизнь; напротивъ преслушаніе воли Божіей есть вмѣстѣ удаленіе отъ источника жизни—смерть. Такъ свидѣтельствуеть о происхожденіи смерти Божественное откровеніе. Пока первый человѣкъ не нарушилъ заповѣди Божіей, онъ вкушалъ отъ плодовъ древа жизни и былъ безсмертенъ. Гордый духъ вложилъ въ сердце его искру самовозношенія и непокорности,—и онъ свергнулъ съ себя иго разума и воли Божіей. Тогда источникъ жизни удалился отъ него и въ немъ открылась неутомимая и, съ каждымъ возрастомъ, усиливающаяся жажда потеряннаго блага, которая—ищетъ ли утоленія въ чувственномъ мірѣ, или въ духовномъ—въ томъ и другомъ случаѣ влечетъ душу изъ круга тѣлесной жизни въ вѣчность.

Однажды вошедши въ нашу природу, сіе раздѣленіе человѣка съ Богомъ, сія непокорность волѣ Божіей, сіе преобладаніе силы пожеланій надъ разумомъ,—путемъ рожденія переходитъ теперь изъ рода въ родъ; приходя въ міръ, мы приносимъ въ него съ собою грѣхъ надмѣнія и непокорности и въ то же время—недовольство и жажду въ нашемъ сердцѣ;—и вотъ та сила, которая, съ теченіемъ жизни возрастая, увлекаетъ за собою жизнь изъ ея средоточія и неудержимо стремится насъ въ нѣдра земли. *Единымъ человекомъ грѣхъ въ міръ вниде!...*

В) Впрочемъ, сама смерть не могла бы расторгнуть Богомъ заключеннаго союза между душою и тѣломъ, если бы она

не была вспомоществуема въ этомъ сторонними силами ¹⁾. Ибо всякое существо имѣеть свою область бытія, къ которой принадлежить оно, какъ часть къ своему дѣлому, — свою родную стихію, въ которой живетъ оно: для низшихъ тѣлесныхъ предметовъ это есть видимый міръ, — для безсмертной души есть свой міръ высшей жизни, который составляетъ ея родину ²⁾. Эта высшая жизнь, подобно океану, простирается по неизмѣримому царству бытія; тѣло есть какбы ладія, а душа пловець, стремящійся къ вѣчному пристанищу. Доколѣ ладія крѣпка, — душа уединена отъ волнъ этой небесной стихіи, — въ нервахъ она свободно воспринимаетъ и отражаетъ ея приливы. Но каждое возмущеніе, каждая страсть дѣлають въ ладѣ какое нибудь отверстіе, — она все тяжелѣетъ и погружается.. Въ старости душа уже отвращается отъ земной жизни, мало-по-малу оставляетъ наружныя чувства, не владѣетъ членами, забываетъ пищу и сонъ; вмѣсто того она входитъ въ сношеніе съ міромъ будущей жизни, — часто чувствуетъ тоску по отчизнѣ, прозираетъ сокровенное и таинственное, предчувствуетъ перемѣны природы... Это значитъ, что стихія будущей жизни уже проникнула въ ладью... Наконецъ — еще нѣсколько потрясеній — ладья погружается и плаватель устремляется неудержимо въ вѣчную глубину...

Блаженна душа, если она приготовила себя для жизни въ этой новой стихіи; въ противномъ случаѣ смерть будетъ ей только началомъ болѣзней!..

¹⁾ Камень, приросшій къ горѣ и отрѣшившись отъ нея, не покатылся бы внизъ, если бы сила земнаго тяготѣнія не влекла его къ центру земли. Подобнымъ образомъ и душа не оставила бы своего тѣла, если бы сила обратнаго тяготѣнія не влекла ее вверхъ — къ ея высшему центру.

²⁾ И какъ сила земнаго тяготѣнія непрестаннымъ своимъ дѣйствіемъ вспомоществуетъ отрѣшенію камня отъ горы, къ которой приросъ онъ; такъ и та высшая жизнь, непрестаннымъ своимъ вліаніемъ, вспомоществуетъ постепенному отрѣшенію души отъ тѣла.

II. *Явленія, сопровождающія смерть.*

Умственное око не могло бы само собою слѣдовать за душою въ страну и сѣнь смерти; свѣденія о томъ, что происходитъ съ нею въ этомъ состояннн заимствуются—а) изъ внѣшнихъ явленій, происходящихъ на тѣлѣ; б) изъ свидѣтельства тѣхъ лицъ, кои съ сознаниемъ входили въ состоявіе смерти—въ обморокъ и возвращались изъ него, какъ-бы нарочно для того, чтобы повѣдать живымъ, что бываетъ съ мертвыми; ибо мнимая и дѣйствительная смерть такъ сходны между собою, что трудно и различить ихъ.

Три періода можно различать въ процессѣ разлученія души съ тѣломъ: 1) душа оставляетъ свою обыкновенную сферу дѣйствованія—высшую область нервной системы; 2) сосредоточивается и пребываетъ нѣсколько времени въ брюшной области нервныхъ узловъ и сплетеній—въ глубинѣ чело-вѣческаго существа и 3) оставляетъ тѣло. Въ первомъ періодѣ она склоняется къ смерти; во второмъ колеблется на чертѣ, раздѣляющей область жизни и смерти; въ третьемъ входитъ невооруженно въ сѣнь смертную.

I.

а) Еще за нѣсколько времени прежде, чѣмъ ударитъ чело-вѣку часъ смерти, изнемогаютъ силы его; ослабѣваютъ и наконецъ вовсе теряютъ способность произвольнаго движенія и онъ возлегаетъ на одръ смертный. Здѣсь онъ не въ состояннн уже бываетъ—ни принять руками пищи, ни обратить лица своего къ какому либо предмету любви, ни облегчить свои страданія лучшимъ положеніемъ тѣла. Иногда душа, порываясь къ жизни, судорожно напрягаетъ изнемогшія мышцы, но за этимъ напряженіемъ слѣдуетъ тѣмъ большее истощеніе, и чело-вѣкъ остается неподвижною жертвою смерти.

а) По мѣрѣ того, какъ въ тѣлѣ умирающаго изнемогаетъ сила движенія, прекращается въ душѣ всякая произвольная дѣятельность ея способностей, которыя опирались на ней, падаютъ силы: мышленіе, предпріимчивость, творчество; какъ тѣло дѣлается жертвою невольнаго хода жизненныхъ отправленій, такъ и душа становится жертвою невольнаго теченія мыслей,—и та и другая жизнедѣятельность совершается уже слабо и медленно. Тогда одно за другимъ возникаютъ въ глубинѣ души впечатлѣнія и образы прошедшей жизни: дѣтства, юности, мужества и старости и смутно проносятся предъ очами выблищагося самосознанія, возбуждая соотвѣтствующія себѣ чувства и движенія,—либо скорбь и раскаяніе, либо радость и самодовольство; ибо мысли, слова и дѣла человѣка въ теченіи жизни не терялись изъ души, а только нисходили въ глубину ея существа и теперь-то, когда и самосознаніе склоняется въ эту глубину, онѣ начинаютъ напоминать ей о своей, вѣчно живой существенности. Тогда-то изъ этой же глубины возвышается свой голосъ и совѣсть!—

б) вмѣстѣ съ изнеможеніемъ мышцъ изнемогаетъ и языкъ; наконецъ хриплымъ голосомъ произносятъ нѣсколько невнятныхъ словъ и овѣмѣвается. Но лишавшись этого средства выразить свое внутреннее состояніе, а между тѣмъ движима еще разными чувствованіями, душа сообщаетъ пріятно или страшно выразительную силу чертамъ лица и глазамъ. Эти безгласныя выраженія бывають такъ сильны и рѣзки, что невольно внушаютъ предстоящимъ о томъ, что происходятъ въ душѣ умирающаго,—либо терзанія совѣсти, либо движеніе радости, либо чувство тѣлесныхъ страданій отражаются въ лицѣ его.

в) Скоро потомъ начинаютъ закрываться, одинъ за другимъ, чувственные органы; чувства—осязаніе, вкусъ и обоняніе часто теряются еще прежде, во время болѣзни, потомъ око.

Отдаленные предметы для умирающаго вовсе исчезают, — ближайшее видится какъ бы сквозъ туманъ; самая яркая свѣча, зажженная для отходной молитвы, представляется какъ бы мерцающею точкой; наконецъ все сливается въ ночную тьму... Но когда глаза умирающаго потеряли силу видѣнія, — въ ухѣ продолжается еще способность слышать, — онъ слышитъ вопли сродниковъ и знакомыхъ, понимаетъ слово сожалѣнія осиротѣвшей любви ¹⁾. По мѣрѣ того, какъ закрываются одно за другимъ чувства и душа теряетъ сообщеніе съ міромъ настоящимъ, она вступаетъ въ ближайшее общеніе съ міромъ будущей жизни, — предошущаетъ его радостныя или страшныя движенія, приближеніе свѣтлыхъ или темныхъ силъ. Какъ существо духовное, душа неотъемлемо имѣетъ сочувствіе съ міромъ духовнымъ. Эти ощущенія будущаго смущали ее и прежде, во терялись въ движеніяхъ чувственности и земныхъ вещей, какъ голосъ умирающаго теряется въ сильномъ шумѣ. Теперь, съ закрытіемъ вѣшнихъ чувствъ, у ней отверзается это внутреннее и эти ощущенія обнаруживаются поразительными явленіями на вѣшности; ибо опытное око ясно усматриваетъ въ нихъ болѣе, нежели проявленіе чувствъ и волненій собственной души.

¹⁾ Замѣчательно притомъ, что закрывающееся уже иногда открываеца, какъ бы для особеннаго рода впечатлѣній. Нѣкоторымъ при смерти слышится музыка, или торжественныя лики повсѣхъ. Это обманъ разстроенаго воображенія, скажетъ кто либо; но отъ чего же онъ обнаруживается въ такой особенно усладительной для души формѣ и отъ чего распространяется иногда и на предстоющихъ? Не согласное ли движеніе и звуки небесныхъ міровъ внемлетъ душа другимъ какимъ-то слухомъ, нечувственнымъ? Но кажется, что по закрытіи вѣшнихъ чувствъ душа нѣсколько времени сообщается съ вѣшнымъ міромъ, посредствомъ особливаго, внутренняго чувства — ощущенія, которое имѣетъ свое средоточіе въ брюшной системѣ узловъ. Такъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ историковъ, раны убитыхъ, уже изсаяшія, при приближеніи убійцы, источали кровь. Это значить, что они (убитые) еще разъ приводимы были гнѣвомъ въ движеніе, при ощущеніи ихъ присутствія.

г) Какъ скоро душа и жизнь оставили голову и удалились внутрь, смерть, слѣдуя по стопамъ ихъ, тотчасъ полагаетъ на ней печать свою. Юноши, въ часъ смерти, иногда сѣдѣють, сморщиваются и дѣлаются похожи на стариковъ—отцевъ, или дѣдовъ, какъ будто жизнь, пользуясь краткимъ срокомъ, ускоряетъ на нихъ свое дѣло и въ нѣсколько минутъ совершаетъ то, что слѣдовало ей совершить во многіе годы. А напротивъ, одинъ старикъ, проведеній жизнь свою въ скорбяхъ и страданіяхъ, въ часъ смерти принявъ образъ портрета, который представлялъ его въ цвѣтущей юности, какъ будто душа отразила въ немъ на тѣлѣ то свое младевическое расположеніе, которое позищаютъ у ней житейскія страданія. Въ самомъ дѣлѣ то, что всего скорѣе состарѣваетъ наше тѣло—скорби и страданія, не обновляетъ ли юностію нашъ духъ; иначе, что значить выраженіе: *елико вильшиій человекъ тлѣеть, толико внутрениій обновляется по вся дни!*...

2.

Оставивши высшую область нервной системы, душа входитъ въ глубяну человѣческаго существа—брюшную область нервныхъ узловъ и сплетеній—въ область сердца. Ибо какъ соки дерева, при зимнемъ замерзаніи сверху, отъ вѣтвей сливаются къ корню; такъ и душевно-жизненная сила человека при смерти сливается отъ своихъ вѣтвей—чувственныхъ органовъ къ своему корню—сердцу.

а) Что душа, оставивши головную часть нервной системы, пребываетъ еще въ области сердца, это доказывается дѣйствіемъ лекарствъ, продолжающимся еще въ неподвижномъ, безчувственномъ тѣлѣ,—такъ потогонныя производятъ еще свое дѣйствіе; но это пребываніе души въ утробѣ не можетъ уже оживить и поддержать хода жизненныхъ отправленій,—смерть отвсюду вытѣсняетъ жизнь. Легкія перестаютъ прини-

мать въ себя воздухъ,—сердце, какъ водоємъ, почерпавшее и изливавшее животворную влагу двумя своими сосудами, почерпаетъ еще разъ, изливаетъ и болѣе уже не почерпаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается всякое кровообращеніе. По велику сердце теперь не принимаетъ крови отъ возвратныхъ жѣлъ, дабы чрезъ боевыя препроводить ее къ наружности тѣла; то тѣ и другія перемѣняютъ роль свою,—возвратныя, принявши въ себя кровь, несутъ ее къ сердцу, но не могли передать, возвращаютъ назадъ—къ оконечностямъ. Мышцы изгибающія, переставъ принимать въ себя описную кровь и въ ней сжимающій кислородъ, не могутъ теперь держать въ связи членовъ; вмѣсто ихъ одни разгибающія обнаруживаютъ свою силу и вытягиваютъ тѣло. Съ остановкой кровообращенія перестаетъ развиваться изъ крови теплота и теплая влага, протекавшая съ нею къ оконечностямъ, дабы сообщить имъ теплоту и красоту здоровья,—она выступаетъ теперь наружу, въ видѣ холоднаго пота, но еще нельзя съ увѣренностію сказать, что умирающій принадлежитъ уже смерти, ибо всё эти явленія свойственны и обмороку.

б) Въ сіе-то время, когда жизнь уже поверта смертію, на самыхъ такъ сказать развалинахъ ея душа возвышаетъ побѣдовосное знамя безсмертія своего, тогда она приходитъ какъ бы въ нѣкоторое состояніе ясновидѣнія и этотъ проблескъ высшаго развитія ея силъ, изливаясь на внѣшность, еще разъ оживляетъ и преобразуетъ мертвое тѣло. Тогда она видитъ такіа явленія, которыя происходятъ не для внѣшняго ока, слышитъ нѣчто неслыханное и неизреченное; умирающій голосъ и языкъ получаетъ звуки и слова, какими не обладалъ въ жизни; все существо проникается чувствомъ неизяснимаго блаженства. Не грёзы ли воспламенившагося воображенія—то, что душа видитъ и слышитъ въ этомъ состояніи? Нѣтъ! Въ повѣствованіяхъ тѣхъ лицъ, кои возвращались изъ него къ жизни,

кроме некоторых частных отличий, есть согласие некоторых. Всеми им видѣлись большія рѣки, уединенная стезя, ведущая въ небесное отечество, цвѣтуція поля и пр. ¹⁾ А видѣнія будущаго истинныхъ христіанъ суть какъ бы малѣйшее участие въ Божественномъ откровеніи Іоанна Богослова. Надобно думать, что эти образы, являющіеся душѣ, въ состояніи смерти, суть символы будущей жизни, которой она—либо до времени не можетъ созерцать въ настоящемъ видѣ, съвозъ сънь смертную, либо представить земною мыслию, по возвращеніи изъ ней. Во всякомъ случаѣ, ихъ нельзя принять за руководство, при изъясненіи себѣ загробной жизни; ибо душа, усвоивъ мглу и

¹⁾ Баснословныя сказанія древнихъ грековъ о подземномъ царствѣ, о Стиксѣ и переправѣ чрезъ него, о Елисейскихъ поляхъ и т. п., повидному, почерпнуты изъ сего источника. Но несравненно чище и виднѣе, въ этомъ отношеніи, видѣнія христіанъ, какъ напр. Косми игумена. Косма игумень, жившій въ царствованіе греческаго царя Романа, изъ парѣдворцевъ сдѣлался игуменомъ одного монастыря; здѣсь впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь и, послѣ 5-ти мѣсячныхъ страданій, 5 генв. впалъ въ обморокъ, продолжавшійся до 9 дней; по пробужденіи рассказывалъ о томъ, что видѣлъ онъ въ этомъ состояніи (Продъ 5 огт.). Образы загробнаго міра, представляющіеся ему, сходятся, съ одной стороны, съ символами греческой мифологіи, а съ другой—съ видѣніями Іоанна Богослова. 1. Рѣка, въ пропасти гремача и шумаца теченіемъ—соотвѣтствуетъ Стиксу; стезя зѣло тѣсна—тропинкѣ, ведущей въ царство тѣней; мужъ буавъ, великъ взоромъ, страшенъ лицемъ, ему же очи извращены, пламень исходящъ изъ усть и дымъ смердящъ изъ ноздрей—Плутону; тѣнисто мѣсто, мѣсто красно, алато,—велиі Елеонъ, ему же дубрава древесь, множае звѣздъ небесныхъ—Елисейскимъ полямъ; множество человекъ, лица имъ почернѣли паче смолы—служителямъ Плутона. 2. Градъ, его же доброты и красоты не можно есть сказать, вышюцій двавадцать превоясаній, врата злата и серебряна и каменій множество, исполненніи свѣта, благоуханій и благодати, сходевъ съ градомъ небеснаго Іерусалима (Апок. 21, 10); трапеза распростерта напоминаетъ вечерю Агнца (19, 9); езеро, исполненное мукъ, тоже что езеро огненное и сѣрное, въ которе вверженъ будетъ діаволъ (20, 10); дубрава древесь, изъ конхъ на каждомъ сѣнь, въ каждой сѣни одръ, на каждомъ одрѣ человекъ, быть можетъ, есть извѣстное представленіе древа животнаго, листьями коего будутъ исцѣляться языки (22, 2), или цвѣтное подобіе дрвѣ, видѣнныхъ Іезекилемъ (47, 7).

обманъ земной жизни, переносить ихъ отчасти въ будущую и не можетъ тамъ созерцать въ чистомъ видѣ предметовъ. Потому-то какъ темная ночь относится къ лунной, а сія—къ ясному дню, такъ грезы язычниковъ къ видѣніямъ христіанъ, а сія—къ откровенію закона.

3.

Доселѣ душа еще носилась какъ бы надъ чертою, раздѣляющею жизнь земную отъ загробной и возвращеніе въ первую было еще не невозможно. Впрочемъ, вкусивши силы грядущаго вѣка въ блаженномъ просвѣтлѣніи, она уже не возвращается назадъ, а переходитъ роковую черту и входитъ въ мракъ смерти. Эта черта обозначается тлѣніемъ.—Въ процессѣ тлѣнія можно различать три эпохи: а) сперва оцѣпенѣвшая и застывшая кровь снова дѣлается жидкою, приливаетъ къ оконечностямъ, иногда—особенно лицамъ дѣтей и дѣвицъ—сообщаетъ краску, такъ горько обманывающую матерей; потомъ развивающіеся газы снова наполняютъ внутренность, далѣе появляется фосфоръ; б) во второй epochѣ тлѣнія—отдѣляются щелочи, извѣстковая земля и соли; тѣло, освобождаясь отъ смраданаго запаха, приближается къ тому брѣнію, изъ котораго оно создано; с) наконецъ въ послѣднемъ періодѣ отдѣляются масляныя вещества и за тѣмъ тѣло разрѣшается въ первобытную матерію (*in prima materia*), изъ которой все образуется и въ которую все возвращается.

Тлѣніемъ совершенно разрѣшается союзъ души съ тѣломъ и она, входитъ въ царство вѣчности.

III. *Состояніе души по смерти.*

Въ тихую лунную ночь является иногда блестящій метеоръ, нѣсколько времени плѣняетъ собою нашъ взоръ и вдругъ огненной полосой падаетъ на землю. Мы подходимъ, разсма-

траваемъ его свѣтящееся ядро, осязаемъ; но вскорѣ оно распадается въ прахъ и свѣтъ его—откуда взялся—не знаемъ. Такъ, подобно небесному метеору, является въ царствѣ жизни и человѣкъ; неземной свѣтъ, богоподобная душа воспламеняетъ этотъ боголѣпный феноменъ: нѣсколько времени онъ блистаетъ Божественнымъ свѣтомъ; но вотъ падаетъ на одръ смертный.. Мы видимъ, какъ мало-по-малу гаснетъ его жизнь,—наконецъ предъ нами является одинъ хладный трупъ и мы спрашиваемъ съ недоумѣніемъ: куда скрылся невещественный свѣтъ, одушевлявшій его, что дѣлается съ душею, по разлученіи ея съ тѣломъ?!

Надъ трупомъ всякаго человѣка возникаютъ въ насъ и борются два противоположныя чувства: одно—чувство ужаса и отвращенія, которое требуетъ скорѣе удалить отъ насъ страшный образъ смерти; другое—чувство жалкой привязанности, которое такъ сильно влечетъ насъ къ трупу, какъ будто въ немъ живетъ любимая и оплакиваемая душа. Какъ сильно это чувство привязанности!.. Оно заставляло нѣкогда нанимать плакальщицъ, терзаться и искажать себя надъ бездушными трупами, бальзамировать ихъ, дабы, сколько можно болѣе, сохранить отъ тлѣнія,—сжигать и въ урнахъ хранить прахъ, дабы имѣть горькое утѣшеніе—на этихъ жалкихъ останкахъ мысленно бесѣдовать съ отшедшими....

Одной душѣ прилична та честь, которая во всѣхъ этихъ случаяхъ, общимъ чувствомъ человѣчества, усвоется тѣлу. Не обманъ, а что либо истинное должно лежать въ основаніи этого чувства: не имѣетъ ли и по смерти хладный трупъ какого либо отношенія къ отшедшей душѣ?

По преданію языческихъ народовъ, іудеевъ и по сказанію Макарія александрійскаго, около трехъ дней душа остается еще съ тѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіи этихъ дней еще

не совсѣмъ разрѣшается тѣлѣніемъ союзъ души съ тѣломъ; но и по разрѣшеніи этого союза все еще внутреннее влеченіе должно привязывать ее къ оставленной хранилѣ; ибо если привязанность къ покинутой родинѣ, родному крову, даетъ душѣ силы, не только мысленно, но и дѣйствительно переноситься къ нимъ: то какъ душѣ не переноситься мысленнымъ существомъ своимъ къ оставленному тѣлу, которое для нея дороже всякаго роднаго крова?.. Теперь-то чувствуетъ душа что такое она безъ тѣла!.. Но кромѣ этого влеченія, никакой дѣйствительный союзъ не связываетъ между собою разлученныхъ, ни тѣло на душу, ни душа на тѣло не имѣютъ уже вліанія. »

По смерти тѣла душа не совсѣмъ отрѣшается отъ всего физическаго. Ясновидящіе видятъ у человѣка на мѣстѣ отсѣченнаго члена тѣлеснаго свѣтоносный его образъ. Значитъ, изъ сего тѣла душа извлекаетъ себѣ и удерживаетъ нѣкоторый тончайшій экстрактъ, который относится такъ же къ прочему истлѣвшему тѣлу, какъ жизненные соки, извлеченные изъ пищи, къ отдѣляемой части. Естественно, что это, видимое зѣирными очами, тѣло, или лучше—зѣирная тѣнь, удерживаетъ образъ и качество прежняго тѣла и даетъ возможность ясновидящимъ различать души по поламъ, возрастамъ, нравственнымъ качествамъ и пр... Это новое, тонкое тѣло съ одной стороны не ограничиваетъ души, какъ прежнее, грубое; но съ другой—и не доставляетъ ей такой опоры бытія, какую доставляло то; отъ того душа представляетъ въ себѣ другое существо.

Случается во снѣ, что душа силится двинуть члены своего тѣла, дабы перенести его съ одного мѣста на другое; но они отказываются служить ей; тогда она оставляетъ этотъ образъ чувственнаго движенія, распространяетъ мысленныя крылья и съ быстротой вѣтра переносится туда, куда хочетъ. Въ совершеннѣйшемъ отрѣшеніи отъ тѣла, вѣроятно, душа будетъ

имѣть способность не мыслию, а дѣйствительно, съ быстротою вѣтра, переноситься съ мѣста на мѣсто.

Въ состояніи магнитномъ, которое еще болѣе имѣетъ сходства съ смертію, имѣетъ сонъ, — а) до необыкновенныхъ предѣловъ утончается и расширяется способность чувствованій; она (душа) проникаетъ сквозь всѣ предметы, непроницаемые для ока тѣлеснаго, видитъ отдаленное и будущее, прозираетъ во внутреннюю жизнь другихъ людей; б) душа обнаруживаетъ высшее самосознаніе: въ состояніи обыкновенномъ, она, подобно медленно движущемуся животному, переходитъ мыслию постепенно отъ одного предмета къ другому; а въ магнитномъ состояніи, подобно парящей птицѣ, однимъ взоромъ и движеніемъ протекаетъ цѣлые роды предметовъ; в) — показываетъ особенное развитіе дара слова: здѣсь душа не только обладаетъ даромъ слова, а, такъ сказать, вся сама становится словомъ — по преимуществу словеснымъ существомъ. Тѣмъ въ большей мѣрѣ сіи три способности должны принадлежать душѣ въ будущей жизни.

Въ лунатизмѣ, который есть нечто среднее между ясновидѣніемъ, сномъ и магнетизмомъ, душа обнаруживаетъ особенное нѣкоторое могущество надъ вѣшними предметами; у вѣшнихъ стихій отнимаетъ ихъ силу: напр. у холода — стужу, у ночи — тьму, у пара — теплоту и пр. Еще болѣе независимости отъ вѣшнихъ стихій, а напротивъ могущества надъ нами, она должна имѣть по совершенномъ совлеченіи съ нея стихійнаго тѣла. Впрочемъ, дѣятельно употреблять сіи способности душа будетъ въ состояніи не прежде, какъ по соединеніи съ будущимъ, бессмертнымъ тѣломъ — по воскресеніи; а до того времени, она должна въ полной мѣрѣ испытать — каково ей безъ тѣла, съ которымъ она добровольно расторгнула свой союзъ въ Адамѣ... Теперь она лишилась опоры своего бытія и дѣятельности и не можетъ обнаружить своей

свободы,—не может управлять своимъ мыслями, она напротивъ сама дѣлается жертвою невольнаго вѣха теченія, — обращается невольно около тѣхъ предметовъ, которыми любила заниматься на землѣ, такъ что мысль ея стала вѣрнымъ отраженіемъ протекшей жизни, какъ сновидѣніе бываетъ; вѣрѣно, отраженіемъ протекшаго дня.

Не въ состояніи будучи сама собою опредѣлить своего нравственнаго характера, пріобрѣтеннаго въ жизни, душа, по тому самому, имѣетъ особливую воспримчивость къ внѣшнимъ вліяніямъ, которымъ она не можетъ противостать; слѣд. для ней теперь нѣтъ ни исправленія, ни покаянія; но тѣмъ возможно приложеніе заслугъ Искупителя, по ходатайству Церкви, — хотя она тѣмъ большей опасности подвергается со стороны темныхъ силъ.

Не имѣетъ, наконецъ, душа орудія, дабы дѣйствовать на внѣшній міръ и оказывать вліяніе на теченіе вещей; не имѣя этой способности сама по себѣ, она можетъ получать ее вслѣдствіе нравственнаго и существеннаго соединенія съ Бого-человѣкомъ, который Самъ есть сила, жизнь и основаніе всего. Посему-то цѣлая торжествующая Церковь святыхъ является могущественною споборницею Церкви воинствующей на землѣ.

Таковы свойства души, по разлученіи ея съ тѣломъ до воскресенія. Преданія языческой, іудейской и христіанской религій согласны въ томъ, что душа не вдругъ, по разлученіи съ тѣломъ, переходитъ въ рѣшительное какое либо состояніе, а проводитъ нѣсколько дней въ нѣкоторыхъ странствованіяхъ. Это согласно и съ самымъ существомъ дѣла. Не вдругъ можетъ случиться переходъ души изъ одного состоянія въ другое, столько ему противоположное. Почти неудивительно, что она нѣсколько дней какъ бы прощается съ тѣломъ, съ земными предметами, любимыми мѣстами, вспоминая прежнія дѣла свои; постепенно какъ бы приходитъ въ себя, нѣсколько времени проводить въ разсмотрѣніи новаго для нея міра — райа и ада.

Такъ какъ безъ опоры физической она не можетъ производить высшамъ силамъ, то неудивительно, что въ различныхъ мѣстахъ этого странствованія она бываетъ предметомъ нѣкотораго состязанія для свѣтлыхъ и темныхъ силъ: въ этомъ и состоитъ сущность ученія нашей Церкви о *мистарствахъ*.

Наконецъ, поскольку этотъ періодъ странствованія долженъ имѣть свои рѣшительныя эпохи и, вѣроятно, что эти эпохи (по сходству рожденія въ жизнь временную съ рожденіемъ въ жизнь вѣчную) опредѣляются знаменательными числами — 3, 9, 40: то не безъ основанія Церковь установила въ 3, 9, 40 дни приносить молитвы за отшедшія души. Если когда, то въ эти особенно дни кризиса благовременна объ нихъ молитва Церкви.

За тѣмъ душа получаетъ, по дѣламъ своимъ, мѣсто въ собственномъ царствѣ мертвыхъ; теперь она находится въ однородной ей неведественной стихіи, — въ хаотической области высшихъ началъ природы, изъ которой все происходитъ и въ которую все обращается. Эта область, въ отношеніи къ нашему чувственному міру, ни далеко, ни близко; — проходить, быть можетъ, чрезъ чувственный міръ и вмѣстѣ выше его и имѣетъ съ нимъ еще меньшее сношеніе, чѣмъ магнитная сила съ ираморомъ, сомнамбула — съ лицами, не приведенными съ нею въ связь. Теперь она одна съ тѣми мыслями, склонностями и чувствованіями, которыя принесла съ собою изъ жизни. Если она въ жизни водворила въ себѣ стремленіе горѣ; то теперь откроется ей и видъ и путь въ непредѣльность небесъ, — съ радостію и надеждою мысль ея устремляется въ вѣчность. Если же, напротивъ, стремленіе къ земному осталось ея господствующею наклонностію; то теперь заключенъ для ней путь въ вождѣнный міръ, — безнадежность омрачаетъ ея будущее....

Тѣ и другія души, сами собою, должны раздѣлиться на двѣ особливныя области въ царствѣ мертвыхъ и въ которыхъ

каждая, сама собою, получать известный порядокъ, по видамъ и степенямъ добра; ибо души противоположныхъ свойствъ, безъ сомнѣнiя, невольно теперь будутъ убѣгать другъ друга; напротивъ, невольно будутъ влечься къ однороднымъ съ ними по мѣрѣ однородности добра,—и въ то же время, болѣе или менѣе, имѣть стремленiя и близости къ первоначальному источнику добра или зла. Такимъ образомъ въ будущей жизни образуется неизмѣримая лѣствица степеней добра и зла, восходящая отъ отца грѣха—дiавола до источника и совершителя всякаго добра—Иисуса Христа. Философъ нашель бы въ неосуществленную безпредѣльную и самую стройную системъ добра и зла.

Вотъ что философiя съ вѣроятностiю можетъ сказать судьбѣ души по смерти! Въ рукахъ одной религiи находите ключъ къ прочимъ тайнамъ загробнаго бытiя.
